

Электронная библиотека Портала «Археология России»
**Кузнецов В.А., Иранизация и тюркизация Центральнокавказского
субрегиона, М., 1997, // Памятники предскифского и скифского
времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по
археологии России, № 1, Редактор: под ред. Мунчаева Р.М.,
Ольховского В.С.**

Резюме публикации: В сборнике публикуются статьи, тематика которых связана с разработкой проблем этнокультурных контактов и влияний, фиксируемых в древностях Юга Восточной Европы (в особенности Северного Кавказа) I тыс. до н. э. Вводятся в научный оборот и всесторонне анализируются позднекобанские, "киммерийские", протомеотские и скифо-сарматские памятники. На примере Центральнокавказского субрегиона I тыс. до — I тыс н. э. реконструируются процессы межлокальных и межэтнических взаимодействий, формирования новых этносов и культурных комплексов. Для историков, археологов, музейных работников, искусствоведов, преподавателей и студентов ВУЗов, интересующихся древней историей Кавказа и Юго-Восточной Европы © Кузнецов В.А., 1997; Портал "Археология России", 2006
Нумерация страниц соответствует печатному оригиналу

Настоящая работа воспроизводится на правах электронной публикации. Напоминаем Вам, что в соответствии с действующим Федеральным Законом "ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ И СМЕЖНЫХ ПРАВАХ" (1993), Вы можете свободно пользоваться, копировать, распечатывать эту публикацию лишь для **собственных нужд**. В случае, если Вы используете настоящую работу для электронной, бумажной или какой-либо иной **републикации**, Вы обязаны полностью указать авторские права и источник, из которого Вами получена работа. В равной мере Вы должны указать источник, из которого Вами получена публикация, если Вы ссылаетесь на нее в любой – электронной или печатной – форме. Для этого используйте следующий текст:

© Кузнецов В.А., 1997; Портал "Археология России", 2006
<http://www.archeologia.ru/Library/book/c4fea0f78d9f>

Для указания в ссылке конкретной страницы добавьте к <http://www.archeologia.ru/Library/book/c4fea0f78d9f> выражение /pageXXX, где XXX - это номер страницы, например: <http://www.archeologia.ru/Library/book/c4fea0f78d9f/page12> .

стр.153

В. А. КУЗНЕЦОВ

**ИРАНИЗАЦИЯ И ТЮРКИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОКАВКАЗСКОГО
СУБРЕГИОНА**

Несмотря на длительное историко-археологическое изучение наиболее сложного и многонационального региона Российской Федерации — Северного Кавказа, накопление значительного фонда источников и отдельные позитивные научные разработки, этническая история этого региона до сих пор остается недостаточно исследованной. Объективное научное осмысление этнической истории народов Северного Кавказа на основе анализа и синтеза комплекса источников хотя бы в основных чертах отстает и от состояния источниковой базы, и от современного уровня теории этноса, и от общественных потребностей (кстати, в условиях северокавказского региона достаточно острых). Интересные идеи и обобщения, сформулированные *И. М.*

Чеченовым, В. Б. Виноградовым, М. П. Абрамовой, Б. М. Кереевым, В. Б. Ковалевской и другими археологами, касаются крупных, но все же отдельных проблем, а тенденциозные по своей направленности монографии И. М. Мизиева и К. Т. Лайпанова [Мизиев И. М., 1986; Лайпанов К. Т., Мизиев И. М., 1993] подверглись острой критике [Каминский В. Н., 1988, с. 272-281; Кузнецов В. А., 1987, с. 133-135; Гаглоев Д. С., 1987; Чеченов И. М., 1990, с. 144-153; Чеченов И. М., 1994, с. 10-12; Марковин В. И., 1994, с. 59, 60]. Серьезные и оригинальные работы, заслуживающие высокой оценки и посвященные обзору этнической истории раннесредневекового Северного Кавказа, выполнены сравнительно недавно А. В. Гадло [Гадло А. В., 1979; Он же, 1994] и В. Б. Ковалевской [Ковалевская В. Б., 1988].

Северный Кавказ обычно принято делить на три субрегиона: Северо-Западный, Центральный и Северо-Восточный. Ниже мы касаемся только Центральнокавказского субрегиона. Основные направления этнической истории Центрального Кавказа, *т. е. территории* между реками Большая Лаба на западе и Аргун на востоке (эти границы принимаются нами условно — В. К.), могут быть сведены к характеристике кавказоязычного этнического субстрата и его сложных взаимоотношений с древнеиранским и древнетюркским миром, *т. е. к* традиционным отношениям горцев и степняков. Именно эти отношения представляли собой длительные этнообразующие факторы, сыгравшие в центральнокавказском субрегионе решающую роль в формировании современных осетин, балкарцев и карачаевцев, тогда как за пределами субрегиона сохранилось аборигенное население, относящееся к адыго-абхазской и вайнахо-дагестанской языковым семьям. Здесь этнические процессы древности шли иными путями. Течение древних этнических процессов в рассматриваемом регионе было детерминировано не только экономическими интересами и стимулами [Лавров Л. И., 1978], но и вертикальной спецификой естественно-географической среды: в кавказоведении принято ее членение на три зоны — степное Предкавказье, предгорная равнина, горный Кавказ. Понятно, что каждая зона была наделена своими функциями в этно-генетических процессах — предкавказская степь, представлявшая периферию южнорусских — северопричерноморских степей, всегда находилась в руках кочевников (любопытно, что до XVIII в. Черные земли в Калмыкии носили название "Хара-Газар" [Эрдниев У. Э., 1970, с. 10], а степь Предкавказья в XVIII в. еще называлась "Куманской" степью [Pallas P. S., 1799, с. 172]. Горный труднодоступный Кавказ населяли аборигенные кавказские племена. Предгорная равнина, экологически наиболее благоприятная, была исторически обусловленной контактной зоной между обитателями гор и степей. Этнические процессы шли во всех зонах, но наиболее активными они кажутся нам в контактной зоне предгорий. Сказанное в первую очередь касается древних иранцев.

1. Скифы. Первый этап иранизации

Появление древнейших индоиранцев на территории Северного Кавказа — проблема спорная и лежащая в области конструирования осторожно аргументируемых гипотез. Наиболее допустимой и вероятной, на наш взгляд, сейчас представляется версия об индоиранском происхождении носителей катакомбной культуры

стр.154

II тыс. до н. э., представленная в труде Э. А. Грантовского [Грантовский Э. А., 1970, с. 21, 37-41, 358, 359, 370]. Недостаточно аргументировано ираноязычие киммерийцев [ср.: Абаев В. И., 1965, с. 125], как и факт их присутствия на Центральном Кавказе. Поэтому рассмотрение интересующей нас проблемы начнем с достоверно установленных фактов пребывания в Предкавказье скифов.

Длительное время обитание ираноязычных скифов в степной и предгорной зонах Северного Кавказа не признавалось. В настоящее время, в основном благодаря усилиям *Е. И. Крупнова* [Крупнов Е. И., 1960] и новым археологическим исследованиям, это заблуждение преодолено. Установлено, что степи Предкавказья, включая Прикубанье, были ареалом формирования скифов с начала VII в. до н. э. [Мурзин В. Ю., 1990, с. 9, 16, 26, 69]. Более того, по мнению некоторых скифологов, здесь находилось загадочное "царство Ишкуза" ассирийских письменных источников, откуда скифы предпринимали свои походы в Переднюю Азию [Мурзин В. Ю., 1990, с. 47; Махортых С. В., 1991, с. 103]. Сюда же скифы возвращались после переднеазиатских походов [Петренко В. Г., 1983, с. 47, 48]. В настоящее время на Кавказе известно более 100 скифских памятников VII—V вв. до н. э. из 43 географических пунктов [Махортых С. В., 1991, с. 5], что дает солидную археологическую базу для общеисторических построений.

Картографирование собственно скифских древностей и местных аборигенных памятников с элементами скифской культуры, опубликованное в специальном исследовании *С. В. Махортых* [Махортых С. В., 1991, с. 7, 9, рис. 1; 2], показывает компактное выдвигание скифских памятников в зону предгорий на территории Центрального Кавказа (наиболее важные находки — Вольный аул, Нартан в Кабардино-Балкарии, ст. Николаевская в Северной Осетии; [Махортых С. В., 1991, с. 116, 117]) и гораздо меньшее их продвижение вглубь Северо-Западного Кавказа и Дагестана. Складывается впечатление, что, продвинувшись широким фронтом в предгорье Центрального Кавказа, скифы "обтекали" Дагестан и ареал меото-протоадыгских племен на западе. "Скифский выступ" вглубь предгорий начинается от г. Минеральные Воды — горы Бештау — г. Пятигорска; это его западный фланг. Не востоке он достигает станицы Шелковской и нижнего течения Терека; это восточный фланг. Протяженность упомянутого скифского ареала с запада на восток по прямой — 280 км.

На очерченной территории "скифского выступа" обитали (как и в горной зоне) аборигенные племена кобанской культуры, сформировавшейся еще в доскифское время (нижний хронологический рубеж — XII в. до н. э.; [Крупнов Е. И., 1969, с. 16]) и генетически не связанной ни с древнеиранским миром вообще, ни со скифами в частности. Последнее и наиболее полное картографирование памятников кобанской культуры [Козенкова В. И., 1989, с. 253, карта 24] показывает значительное совпадение ареалов кобанской и скифской культур на Центральном Кавказе. Поскольку памятники обеих культур и пределах одного ареала в основном синхронны, для реконструкции этнических процессов подобный вывод имеет принципиальное значение. Не вступая в обсуждение деталей, коснемся вырисовывающейся картины в целом, попытаюсь осмыслить генеральные направления этно- и культурогенеза.

Уже в 1949 г. *В. И. Абаев* писал: "Пришельцы аланы нашли, конечно, на занятых ими землях Кавказа не безлюдную пустыню, а какое-то старое население, по языку, надо полагать, родственное другим коренным народам Кавказа. Нет никаких оснований думать, чтобы это коренное доиранское население Алании-Осетии было истреблено или вымерло. Гораздо вероятнее, что оно смешалось с пришельцами иранцами и этим смешением было положено начало современному осетинскому этническому типу" [Абаев В. И., 1949, с. 78, 79]. Те же идеи *В. И. Абаев* изложил в своем докладе в 1966 г., добавив, что "никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний" [Абаев В. И., 1967, с. 18].

То, что было сказано выше о совпадении ареалов памятников скифской и кобанской культур в пределах Центрального Кавказа, означает взаимопроникновение двух различных по происхождению археологических культур и, соответственно, двух

различных по происхождению этносов. Это — ареал этнического смешения иранцев и кавказцев, судя по всему, наиболее раннего. Это — ареал внутрирегионального этнического контактирования, характеризуемого "глубоким проникновением больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка" [Серебренников Б. А., 1956, с. 36]. Внутрирегиональное этническое контактирование в течение длительного времени вело к глубоким генетическим последствиям; фактически это было массовое переселение одного этноса на территорию другого этноса, сопровождавшееся (применительно к рассматриваемой эпохе) завоеванием. В на-

стр.155

шем случае завоевание кобанцев скифами мы можем предполагать и считать, что это — наиболее вероятный вариант. Во всяком случае *М. П. Абрамова* отмечает, что материалы скифского и сарматского времени из предгорной контактной зоны "по своей культуре гораздо ближе к памятникам равнинных районов, чем горных" [Абрамова М. П., 1984, с. 29], что и может материально свидетельствовать о доминировании здесь степных ираноязычных элементов уже на скифском этапе. Другой скифолог — *В. Г. Петренко* более прямо пишет о том, что "скифы, продвинувшись в Предкавказье, потеснили и частично покорили горские племена" [Петренко В. Г., 1984, с. 71]. В то же время *В. Г. Петренко* на материалах Нартанского скифского могильника в комплексах конца VI— V вв. до н. э. фиксирует усиливающееся влияние кобанской культуры [Петренко В. Г., 1989, с. 220, 223], что, очевидно, свидетельствует не только о культурном, но и этническом смешении субстрактных кобанских и суперстратных скифских племен, начавшемся на этом этапе кобано-скифских отношений.

Кобано-скифское внутрирегиональное контактирование принципиально важно для осмысления этногенеза осетинского народа, органически связанного с процессом иранизации части аборигенного северокавказского населения. Охарактеризованное выше кобано-скифское контактирование VII—V вв. до н. э. дает основание говорить о первом, наиболее раннем этапе, о начале этноязыковой иранизации и начавшемся к концу этого этапа процессе этнической миксации. Существенно то, что географически все это приурочивается к контактной предгорной зоне именно Центрального Кавказа, т. е. к тому ареалу, в пределах которого в последующие эпохи иранизация будет продолжена и который станет колыбелью раннесредневековой аланской народности. В этой связи еще раз обратим внимание на "обтекание" скифами значительной части Прикубанья (хотя скифские курганные могильники в Закубанье и присутствуют) и северного Дагестана. Данное обстоятельство может указывать на то, что здесь интенсивные процессы иранизации не шли, а этническое контактирование имело маргинальный характер. Адыго-абхазский и вайнахо-дагестанский этносы в указанных территориальных пределах не были втянуты в миксацию и ассимиляцию и сохранили свою древнюю этническую индивидуальность.

Наши построения и выводы о кобано-скифском внутрирегиональном контактировании не распространяются на горную зону центрального Кавказа. Здесь этнические процессы шли иначе и применительно к горной зоне мы можем констатировать лишь маргинальное контактирование, материальный результат которого — элементы скифской культуры в ущельях Центрального Кавказа [Техов Б. В., 1980, с. 72-81], но именно элементы, а не комплексы. Говорить о заселении скифами горной зоны мы не можем.

2. Сарматы, второй этап иранизации

На позднем этапе кобано-скифского внутрирегионального контактирования в пределах Северо-Восточного Кавказа начинает фиксироваться присутствие савроматов. Район формирования савроматской культуры VII—IV вв. до н. э. находится севернее

— северо-восточнее Кавказа [Смирнов К. Ф., 1964, с. 191, рис. 84]. Очевидно, что Северо-Восточный Кавказ стал периферией савроматского мира. В этом существенное отличие от скифов, которые (как это теперь представляется некоторым исследователям; [Мурзин В. Ю., 1990, с. 16, 26, 47]) сформировались на Северном Кавказе, где оформилась и знаменитая скифская триада [Петренко В. Г., 1989, с. 228]. К числу савроматских памятников относятся курганы у с. Ачикулак и Бажиган в нижнем течении р. Кумы, Гойтинские курганы, раскопанные *В. И. Марковиным* и интерпретированные *В. Б. Виноградовым* [Виноградов В. Б., 1972, с. 46-58] и *т. д. Касаясь* ареала савроматов на Северо-Восточном Кавказе, *В. Б. Виноградов* пишет: "Памятники степного Затеречья можно считать собственно савроматскими" [Виноградов В. Б., 1972, с. 59]. Их связь с волго-донской группой савроматских памятников [Максименко В. Е., 1983] представляется очевидной. Характер этнических контактов савроматов с кобанскими аборигенами мне представляется неоднозначным и неустойчивым: савроматские культурные элементы в аборигенном Луговом могильнике VI—V вв. до н. э. [Мунчаев Р. М., 1963, с. 211] связаны с механизмом маргинального контактирования, тогда как Гойтинские курганы в предгорье демонстрируют реальное проникновение группы савроматов вглубь территории носителей восточного варианта кобанской культуры и, следовательно, мы имеем факт внутрорегионального контактирования. По данным археологии, это контактирование не было столь глубоким, как внутрорегиональное контактирование скифов на Центральном Кавказе. Однако амазонские мотивы осетинского нартского эпоса, мною связываемые с савроматским пребыванием на Северном Кавказе [Кузнецов В. А., 1980а, с. 45-65], позволяют предполагать достаточно активный характер кон-

стр.156

тактирования савроматов и аборигенов. Специально рассмотревший этот вопрос *В. Б. Виноградов* пришел к заключению, что после скифских походов определяющим направлением представляются взаимоотношения аборигенов с савроматами Северного Прикаспия, чаще с поволжскими, порой и с южноуральскими, а вхождение Предкавказья в сферу влияния савроматского мира "подготовило почву и предопределило в какой-то мере успех мощного расселения сарматов на Северном Кавказе в последующие века" [Виноградов В. Б., 1971, с. 182, 183].

Кратко коснемся упомянутого расселения сарматов, ибо данный вопрос в литературе освещался неоднократно. Речь не о частных вопросах сарматоведения, в коих успехи археологии очевидны, а об обобщающих исследованиях, суммирующих накопленный материал в пределах Центрального Кавказа. Я обращаю внимание на это потому, что *В. Б. Виноградов* после выхода в свет монографии *В. Е. Максименко* [Максименко В. Е., 1983] писал; "Подобная перспектива вряд ли реальна в обозримом будущем для территории степного Предкавказья", а обобщающее исследование накопленного материала "к сожалению, не ожидается" [Виноградов В. Б., 1987, с. 31, 32]. Однако через год после этого вышло обобщающее исследование *Б. М. Керефова* [Керефов Б. М., 1988], еще через год — работа *М. П. Абрамовой* [Абрамова М. П., 1989а, с. 268-281], в 1990 г. защищенная в качестве докторской диссертации. Вскоре появилась и монография *Л. С. Ильюкова* и *М. В. Власкина*, посвященная сарматам сальско-маньчских степей рубежа нашей эры [Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992]. Таким образом, источниковедческая основа для исследовательских штудий достаточно основательна. В Дальнейшем мы в основном придерживаемся построений и выводов *М. П. Абрамовой* относительно сарматов Центрального Предкавказья.

Согласно *М. П. Абрамовой*, и в сарматскую эпоху, *т. е. в III в. до н. э. — IV в. н. э.*, течение этнических процессов зависело от их приуроченности к той или иной

ландшафтной зоне Центрального Кавказа: в горах продолжали обитать племена позднекобанской культуры, характеризующейся устойчивостью древних традиций, и то время как в предгорно-равнинной зоне доминировали племена сарматского происхождения либо племена, сильно вмешанные с сарматами или иными иранцами [Абрамова М. П., 1989а, с. 272]. Зона плодородной предгорной равнины по-прежнему аккумулирует не только старые (скифские) иранские элементы, но и передвигающиеся с севера новые группы ираноязычного населения — сарматов, начинающих с III в. до н. э. *широкое* движение из-за Волги на запад и юго-запад, в степи Северного Причерноморья и Предкавказья [Смирнов К. Ф., 1984, с. 118-123]. Предгорные археологические памятники сарматского времени М. П. Абрамова расчленяет на две локальные группы — восточную и западную. Восточная группа локализуется в Затеречье, т. е. восточнее Терека; западная группа занимает Кабардино-Пятигорье к западу от Терека. Основным памятником восточной группы — Ханкальский могильник IV в. до — I в. н. э. [Виноградов В. Б., Петренко В. П., 1984, с. 15-36], но это могильник автохтонного населения, подвергнувшегося сарматизации. Основные памятники западной группы — Нижне-Джулатский [Абрамова М. П., 1972] и Чегемский [Керефов Б. М., 1985, с. 135-259] могильники. В могильниках восточной группы наличествуют традиционные могильные ямы, тогда как в западной группе появляются инновации и виде преобладающих здесь катакомб [Абрамова М. П., 1989б, с. 8]. М. П. Абрамова считает, что приведенные факты указывают на сохранение в Затеречье того же аборигенного населения, что и в скифское время, и что Затеречье было в это время периферийным, сравнительно безопасным районом [Абрамова М. П., 1989, с. 15].

Иное дело — ареал западной группы. Наличие здесь самых ранних катакомб, ставших, по М. П. Абрамовой [Абрамова М. П., 1989б, с. 5], одним из прототипов средневековых аланских катакомб, а также иные сарматские инновации в местной материальной культуре дали основание считать, что территория Кабардино-Пятигорья была более открытой для сарматской инвазии: "Территория западной группы в III — I вв. до н. э. была более подвержена оседанию ираноязычных кочевников, чем территория восточной". Кроме того, М. П. Абрамова допускает существование здесь (до рубежа нашей эры) старого местного населения, смешанного со скифами и уже тогда иранизированного [Абрамова М. П., 1989а, с. 276]. Я склонен согласиться с выводом М. П. Абрамовой об открытости и большей ландшафтной доступности Кабардино-Пятигорья, что будет подтверждено ниже при рассмотрении ситуации в раннем средневековье.

Ход этногенетического процесса и иранизации населения предгорной равнины в сарматскую эпоху улавливается лишь в общих чертах, что объясняется состоянием источников и наличием "белых пятен" на археологической карте [Абрамова М. П., 1989а, с. 269, карта 25]. Но достаточно определенно выясняется, что горная зона остается по-прежнему фактически недо-

стр.157

ступной для степных кочевников и сохраняет старый статус ареала позднекобанских аборигенов. На этом, втором этапе иранизации связи горных племен с савроматами и сарматами остаются в рамках маргинального контактирования. Внутрорегиональное контактирование происходит на территории преимущественно Кабардино-Пятигорья и далее на запад, в бассейне верхней Кубани, где возможно сохранение этнического ядра сарматского племени сираков, представленных археологическими памятниками зубовско-воздвиженского типа [Кузнецов В. А., 1962, с. 70-72; Кузнецов В. А., 1967, с. 63-65; Виноградов В. Б., 1965, с. 117], хотя против данной локализации сираков возражает М. П. Абрамова [Абрамова М. П., 1993, с. 2].

По *К. Ф. Смирнову* и *В. Б. Виноградову*, междуречье Кубани и Большой Лабы в III—II вв. до н. э. стало центром сиракского племенного объединения [Виноградов В. Б., 1965, с. 111-113; Смирнов К. Ф., 1952, с. 13, 14], что подтверждается и убедительным (вопреки *В. Б. Виноградову*) отождествлением древней реки Ахардей, где, по Страбону, живут сираки [Страбон, 1964, с. 480], с Кубанью [Каменецкий И. С., 1965, с. 99; Марченко И. И., 1984, с. 68, 69]. Но эти соображения разделяются не всеми специалистами. Так, по мнению *Н. В. Анфимова* [Анфимов Н. В., 1975, с. 50], проводить границу между меотами и сираками по Лабе нельзя, а проникновение сираков в восточные районы Закубанья следует относить не к III в. до н. э., а к кон. II — I вв. до н. э. — времени основной группы зубовско-воздвиженских курганов. *М. П. Абрамова* центр сиракского объединения помещает в Восточном Приазовье по правобережью Нижней Кубани, где открыто более 400 погребений III—I вв. до н. э. [Абрамова М. П., 1989б, с. 19]. Однако эти поправки принципиальной картины не меняют: присутствие сиракской группы в восточном Закубанье особых сомнений не вызывает.

И в этом регионе, прилегающем к Центральному Кавказу с запада, мы видим процесс оформления синкретической культуры, сочетающей сарматские и местные меотские элементы, что заметно уже в IV в. до н. э., но особенно рельефно прослеживается в III—I вв. до н. э. [Каминский В. Н., 1987, с. 40]. Видимо, за этим процессом мы вправе усматривать внутрорегиональное контактирование и этническое смешение-миксацию, что по всему ареалу предгорий западной группы (по *М. П. Абрамовой*) должно было положить начало исключительно важному для нашей темы явлению — формированию интегрированной из субстрата новой этнической общности, в ряде кавказоведческих штудий получившей название этнического новообразования, как результата процессов ассимиляции и аккультурации.

Применительно к древнему Северному Кавказу на археологическом материале первым эту идею в 1978 г. предложил *Б. М. Керефов*. Говоря об этническом взаимодействии сарматов и аборигенов на территории Кабардино-Балкарии, он пришел к заключению об ассимиляции одного из указанных выше компонентов и о возникновении "в сущности нового этнического образования, отличного в значительной мере от слагаемых компонентов и впитавшего в себя наиболее устойчивые традиции духовной и материальной культур суперстрата и субстрата" [Керефов Б. М., 1978, с. 18; Он же, 1988, с. 101, 102]. Идеи *Б. М. Керефова* (но без ссылки на него) разделил *В. Б. Виноградов* [Виноградов В. Б., 1987, с. 33]. Следует признать, что мысль о синкретическом этническом новообразовании действительно заслуживает серьезного внимания не только в свете конкретной историко-археологической ситуации Центрального Кавказа в сарматскую эпоху, но и в свете начавшегося внутрорегионального контактирования "кавказцев" (в коих мы не усматриваем чисто географическое понятие, как это кажется *Ю. С. Гаглойти*; [Гаглойти Ю. С., 1990, с. 43]) и сарматов. Внутрорегиональное контактирование двух различных этносов сопровождается периодом двуязычия [Материалы дискуссии..., 1956, с. 52, 71], что способствует широкому распространению экзогамных браков и этническому смешению. *Б. М. Керефов* не указал, кто именно был ассимилирован в рассматриваемую им эпоху, но языковой материал показывает, что ассимилируемой стороной были субстратные племена — носители позднекобанской культуры. Современная этногенетическая теория считает, что ассимиляция для ассимилируемого этноса — трансформация, для ассимилирующего — "один из компонентов эволюции" [Бромлей Ю. В., 1983, с. 241]. Отсюда вытекает, что в ходе внутрорегионального контактирования в контактной зоне Центрального Кавказа в скифское время обозначился, а в сарматскую эпоху продолжился на более широкой основе важнейший

процесс поглощения кавказского субстрата неоднородным ираноязычным суперстратом и формирования нового этноса, синтезировавшего в себе сумму компонентов, присущих и суперстрату, и субстрату.

Сказанное об этногенетической миксации подразумевает безусловно длительную эволюцию, растянутую во времени и не однородную в разных локальных районах контактной зоны. Глубину последствий внутрирегионального контактирования и этнической миксации на

стр.158

ранних этапах, особенно скифском, не следует преувеличивать. В обобщающей работе *В. Б. Ковалевской* (к сожалению, полностью не опубликованной) мы встречаем несколько, на наш взгляд, преувеличенную оценку скифского влияния на автохтонное кобанское население. "Специально рассматривая связи между кобанскими племенами и скифами, мы пришли к выводу, что контакты были очень сильны, население с единой материальной культурой (? — *В. К.*), одним погребальным обрядом было представлено двумя антропологическими типами — местным и степным. Это явление, явившееся следствием переднеазиатских походов, поселения скифов на Кавказе и длительного военно-политического союза между ними и местным населением сохранялось на протяжении нескольких веков" [*Ковалевская В. Б.*, 1988, с. 33]. *Ю. С. Гаглойти* считает, что процесс этнической ассимиляции местных племен иранцами был "в значительной мере завершен" ко времени появления алан на Северном Кавказе, *т. е. к рубежу нашей эры* [*Гаглойти Ю. С.*, 1966, с. 242] и в эпоху господства скифов, плотно заселивших не только равнины Предкавказья, но и горные ущелья. В этих дефинициях просматривается тенденция связать этногенез осетинского народа не столько с аланами, сколько со скифами.

Но существуют и более реальные оценки. Признавая наличие элементов скифской материальной культуры в ущельях Центрального Кавказа (результат длительного маргинального контактирования — *В. К.*), *С. В. Махорты* отмечает, что роль скифов в сложении и оформлении кавказских народностей "была заметна, но все же оставалась достаточно скромной, особенно по сравнению с последующими историческими эпохами — сарматской и раннего средневековья" [*Махорты С. В.*, 1991, с. 111]. До накопления новых и достаточно репрезентативных фактов я придерживаюсь сходных взглядов, соглашаясь с тем, что второй этап иранизации — сарматский — был динамичным продолжением и углублением процессов, начавшихся на скифском этапе, нарастающий потенциал обозначенных выше этногенетических процессов обеспечивался притоком и аккумуляцией новых ираноязычных племен в Предкавказье. На сарматском этапе мы наблюдаем начало очень важного по своим последствиям явления — формирования синкретического этнического новообразования, что, по *В. П. Алексееву* и *Ю. В. Бромлею*, соответствует третьему варианту этногенетических процессов после массовых миграций и завоеваний [*Алексеев В. П.*, *Бромлей Ю. В.*, 1968, с. 35].

3. Аланы. Третий этап иранизации

Этот этап иранизации Центрального Кавказа был решающим не только потому, что он был наиболее активным и этнообразующим, но и последним — в ходе гуннского нашествия 375 г. и последующего "Великого переселения народов" V в. был сокрушен резервуар, постоянно в течение многих столетий пополнявший ираноязычные пласты населения Предкавказья и контактной зоны предгорий; имеется в виду массив позднесарматских племен Северного Причерноморья — Поволжья — Приаралья. С нашествием гуннов тысячелетний период господства древних иранцев в очередном степном ареале завершился, сменившись господством кочевых тюркских народов.

Вместо перманентной инвазии ираноязычных степняков на Центральный Кавказ пришла инвазия тюрков, связанная со сходными этнокультурными процессами, но с иными действующими силами и реальными последствиями. Мы остановимся на этом ниже.

Хронологически начало третьего этапа трудно уловимо. В письменных источниках первые упоминания алан на Кавказе восходят к I в. н. э. [Гаглойти Ю. С., 1966, с. 52, 53; Ковалевская В. Б., 1984, с. 80; Кузнецов В. А., 1992, с. 5]. На этом основании некоторые исследователи делают вывод о миграции сарматского племени алан на равнину Северного Кавказа в I в. из волго-донских степей [Гаглойти Ю. С., 1966, с. 54-62], в то время как другие считают, что волны I в. на Северном Кавказе не было, а появление нового этнонима "аланы" связано с изменениями в сарматской этнической номенклатуре, когда все племена сарматского происхождения стали покрываться общим этнонимом "аланы" от Арала до нижнего Дуная [Гаглойти Ю. С., 1966, с. 67, 82, 86-89; Кузнецов В. А., 1992, с. 6; Гаглойти Ю. С., 1989, с. 85, 86; Ждановский А. М., 1985, с. 15]. Последнее подразумевает собирательное значение термина "аланы", особенно на раннем этапе этногенеза алан, характеризуемом большой полиэтничностью.

Однако Ю. С. Гаглойти был прав, когда писал о первом появлении имени алан в названии сарматского племени роксаланы (роксоланы) во II в. до н. э. [Гаглойти Ю. С., 1966, с. 59; Он же, 1969, с. 82, 83]. Археологически это соответствует времени появления наиболее ранних камерных могил — катакомб на Центральном Кавказе [Абрамова М. П., 1989б, с. 5; Габуев Т. А., 1986, с. 6], что, по А. С. Скрипкину, может быть поставлено в связь с событиями, восходящими к интенсивному передвижению племен в евразий-

стр.159

ских степях во II в. до н. э. [Скрипкин А. С., 1989, с. 87].

Вопрос об этносе, употреблявшем катакомбы на Северном Кавказе со II в. до н. э. и почти вплоть до татаро-монгольского нашествия, 30-х годов XIII в., имеет принципиальное значение для освещения этнической истории Северного Кавказа и особенно для истории алан и этногенеза осетин. Вокруг данного вопроса в результате длительной дискуссии сложилась целая литература. Я не имею возможности приводить здесь все точки зрения и аргументы и ограничусь главными идеями ключевого значения, дающими возможность реконструкции на уровне наших сегодняшних знаний.

Относительно происхождения аланских раннесредневековых катакомб единого мнения пока нет. Как говорилось выше, по мнению М. П. Абрамовой ранние катакомбы западной группы сарматских памятников генетически связаны со смешанным скифским населением Кабардино-Пятигорья [Абрамова М. П., 1989а, с. 276] и являются одним из прототипов аланских средневековых катакомб [Абрамова М. П., 1989а, с. 280]. В то же время М. П. Абрамова видит прототип аланских катакомб в подкурганых катакомбных могильниках III—IV вв. правобережья Терека и низовьев Сунжи, т. е. на территории восточной группы сарматских памятников [Абрамова М. П., 1989а, с. 280, 281], а также полагает, что "катакомбный обряд погребения был знаком местным племенам Северного Кавказа, в том числе и тем из них, которые жили в Центральном Предкавказье, еще до появления здесь сарматских племен" (т. е. скифам? — В. К., но в скифских памятниках Северного Кавказа нет катакомб и эта версия не имеет, по данной причине, оснований). Допускает М. П. Абрамова также возможность влияния камерных могил античного Боспора и меотских "земляных склепов" [Анфимов Н. В., 1947, с. 148-157]. Разнообразие вариантов, предлагаемых одновременно столь опытным

исследователем, отражает сложность, неоднозначность и даже запутанность проблемы генезиса катакомб как специфичной формы могильного сооружения.

Здесь не место подробно обсуждать этот действительно сложный опрос. Отметим только, что после статьи *Л. Г. Нечаевой* [Нечаева Л. Г., 1961, с. 151-159] и независимо от генезиса катакомб их принадлежность в пределах Центрального Кавказа именно аланам подтверждена новыми исследованиями *А. М. Ждановского* [Ждановский А. М., 1985, с. 15, 16], *Т. А. Габуева, В. Б. Ковалевской* [Габуев Т. А., 1986, с. 17, 30; Ковалевская В. Б., 1984, с. 91, 155] и *Н. Е. Берлизова* [Берлизов В. Е., 1990, с. 5]. Специальную статью данному вопросу посвятили *В. Б. Виноградов* и *Я. Б. Березин*, обоснованно заметившие, что в широком смысле катакомбный обряд погребения не может быть приписан только собственно аланам, но "роль сарматов, ираноязычных степняков в целом, в сложении, формирований северокавказских катакомб последних веков до н. э. — первых веков н. э. достаточно заметна, не может отрицаться и представляется даже определяющей" [Виноградов В. Б., Березин Я. Б., 1985, с. 45]. Что касается меня, то я склонен согласиться с теми исследователями, которые резонно отмечают не горнокавказский, а степной ареал появления катакомб на Кавказе, и с *В. Б. Ковалевской*, обратившей внимание на размещение катакомбных могильников раннего средневековья именно в том пространственно-временном континууме, в котором в эту эпоху локализуются аланы по письменным источникам. Сумма подобных совпадений случайностью быть не может, и это (вопреки *М. П. Абрамовой*) убеждает и том, что катакомбный обряд погребения в условиях Центрального Кавказа представляет либо степное иранское, либо смешанное (на поздних этапах особенно) в результате внутрорегионального контактирования этническое новообразование как результат метисации суперстратных и субстратных племен. Это и есть аланы письменных источников. Мы говорили выше о грунтовых катакомбных могильниках, сосредоточенных в контактной предгорной зоне начиная от района Кавминвод на западе до долины р. Аргун на востоке довольно компактно. Грунтовые катакомбные могильники эпохи раннего средневековья (шире — I тыс. н. э.) есть и западнее [Байтал-Чапкан — Минаева Т. М., 1956; ст. Старокорсунская — Каминский В. П., 1984, с. 11-27] и восточнее [Верхний Чирюрт, Паласасырт — Кузнецов В. А., 1961а, с. 265-270; Гмыря Л. Б., 1986, с. 20-22]. Но они, за исключением Байтал-Чапкана, лежат за пределами Алании. Это археологические памятники отдельных сармато-аланских групп, продвинувшихся в Прикубанье и приморский Дагестан и здесь сильно смешавшихся с аборигенами. Бросается в глаза малочисленность грунтовых катакомб в верховьях Кубани в I тыс. н. э., где присутствие алан письменными источниками надежно документировано.

Этот факт побудил меня в свое время высказать мысль о малочисленности алан в бассейне верхней Кубани и их слабом влиянии на местное аборигенное население [Кузнецов В. А., 1962, с. 70]. Очевидно, дело в том, что этническую основу верхнекубанских алан составили

стр.160

не носители центральнокавказского катакомбного обряда погребения, а иная сарматская группа, с катакомбами не связанная. Такой сарматской группой в данном районе могли быть сираки, закрепившиеся тут со времени курганов зубовско-воздвиженского типа. Более 30 лет назад я предложил эту гипотезу, которую никто пока не опроверг. В основу верхнекубанских алан могло лечь позднесиракское этническое ядро.

После выхода в свет моей упомянутой монографии с докладом о новом виде погребальных сооружений в верховьях Кубани выступила *Т. М. Минаева* [Минаева Т.

М., 1965, с. 136, 137]. "Новый" вид могил по *Т. М. Минаевой* — это скальные катакомбы VII—XII вв. Конструктивно они аналогичны грунтовым катакомбам, но обычно лишены дромосов, в этих условиях не нужных (в отвесных скалах сразу высекались камеры). Но есть и скальные катакомбы с дромосами [Рим-Гора — Рунич А. П., 1970, с. 200, рис. 3]. Последние о конструктивно-генетическом тождестве грунтовых и скальных катакомб свидетельствуют бесспорно. Сейчас в бассейне верхней Кубани выявлено более 30 таких могильников. Наиболее крупные, насчитывающие более 100 камер — Хасаут, Рим-гора, Щубшурук, Крейда.

"Новое" в этих камерах состоит в том, что они высечены не в земле, а в скальных породах. Чем объясняется эта новация — сказать трудно. Но главным для нас является само бытование катакомбного обряда погребения, хотя и с локальными особенностями, в районе верховьев Кубани. Ареалы восточных грунтовых катакомб и заданных скальных смыкаются, образуя единый ареал бытования аланских катакомбных могильников 2-й пол. I — нач. II тыс. н. э. Упомянутый единый ареал полностью вписывается в границы исторической Алании, намечаемой по письменным источникам [Кузнецов В. А., 1971, с. 11; Он же, 1992, с. 140-145]. Если грунтовые катакомбные могильники мы признаем принадлежащими формирующемуся аланскому этносу, мы вправе эти выводы распространить и на наскальные катакомбные могильники. В верховьях Кубани процессы внутрирегионального контактирования и этнической миксации шли иным путем, с включением иного набора компонентов и иным конечным результатом, но это другой вопрос. Сейчас речь идет о едином источнике, единой идее сооружения грунтовых и скальных катакомб. В этом смысле я считаю возможным разделить осторожное предположение *В. Б. Ковалевской* об использовании скальных катакомб не только ираноязычными аланами, но и ранними тюрками [Ковалевская В. Б., 1984, с. 174], к чему присоединились *А. А. Демаков* [Демаков А. А., 1990, с. 45] и *И. М. Чеченов* [Чеченов И. М., 1987, с. 120].

К скальным катакомбам конструктивно, функционально и литургически примыкают одновременные им (речь идет об эпохе в целом, дробная хронология не разработана) пещерные погребения с использованием естественных камер: скальных навесов, ниш, пещерок, не требовавших значительных трудовых усилий и расходов. Такие могильники с лицевой стороны закрывались каменной стенкой, обмазывались глиной, между отдельными захоронениями воздвигались поперечные стенки и достигался полный "эффект камеры". Примером подобных крупных погребальных комплексов могут быть знаменитая Мощева Балка в ущелье Большой Лабы и могильник на р. Эшакон. Анализ материалов мною дан в специальной статье [Кузнецов В. А., 1973, с. 69, 70]. Развитие этих упрощенных и сильно трансформированных каменных могил я также склонен объяснить воздействием идей и погребальных ритуалов, носителями которых были кавказские аланы. Характерно, что западнее Большой Лабы (на адыго-меотской территории) рассматриваемый обряд пока неизвестен.

Таким образом, массовое присутствие алан в бассейне верхней Кубани и процесс иранизации местного субстрата сейчас сомнений не вызывают. Допустимо думать, что на основной и более ранний позднесиракский пласт, определивший характер местного этногенетического процесса, наложился более поздний аланский слой и, следовательно, иранизация в верховьях Кубани шла в два этапа. Это предположение нуждается в дальнейшей проработке.

Подводя итоги сказанному, мы видим, что грунтовые катакомбные могильники на востоке и скальные на западе Алании распространились в эпоху после гуннского нашествия не только в пределах контактной зоны предгорий, как это было в предшествующие периоды, но и в горной зоне. Продвижение катакомбного обряда

погребения в горы особенно четко выражено в Северной Осетии начиная с VI в. и позже [Чми, Балта, Гоуст, Тарский, г. Владикавказ, Верхний Ларс, Архон, Садон, Алагир, Кобань, Камунта и др.: Кузнецов В. А., 1962, с. 61; Кузнецов В. А., 1973, с. 62]. Особое значение в этом свете будет иметь открытый в 1993 г. В. Х. Тменовым и Р. Г. *Дзаттиаты* катакомбный могильник (вероятно, IX—XI вв.) близ высокогорного с. Даргавс в Тагаурии. В горной зоне Кабардино-Балкарии сейчас известны лишь два достоверно грунтовых катакомбных могильника

стр.161

VIII—X вв. — в Былме и Хуламе [Чеченов И. М., 1987, с. 105-123, рис. 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35], и это, очевидно, соответствует менее активному внедрению алан в ущелья Балкарии, нежели в Осетии [Чеченов И. М., 1987, с. 118, 119]. Та же картина просматривается и в горах Чечено-Ингушетии к востоку от ущелья р. Ассы. Эпицентр продвижения носителей катакомбного обряда погребения из предгорной равнины в горы находился в Северной Осетии.

Данное наблюдение, сделанное давно, очень важно для этногенетических реконструкций. Впервые горная зона стала на этом участке Центрального Кавказа доступной для притока предгорно-равнинных алан и из ареала маргинального контактирования стала ареалом контактирования внутрорегионального. Теперь, в пределах Северной Осетии, этногенетические процессы на равнине и в горах шли в одном русле.

Прослеживаемое археологически этническое контактирование двух основных массивов — субстратного горного и суперстратного равнинного, их длительное взаимодействие, ход интеграции, ассимиляции и аккультурации на третьем этапе иранизации имели последствия огромной исторической важности. Особо существенно то, что на этом этапе этнический синтез захватил не только предгорья, но и горную зону, положив конец существованию здесь гомогенных этнических групп и культур. Складывающийся аланский этнос стал гетерогенным почти на всей территории Алании. Лишь в наиболее труднодоступных и изолированных горных районах продолжали сохраняться аборигенные горнокавказские группы, представлявшие островки реликтового посткобанского населения (например, в ущельях Балкарии). Высокогорные общества — изоляты Кавказа дают примеры поражающего воображение сохранения глубочайшей архаики: так, в дагестанском детском фольклоре выявлено имя героя шумеро-аккадского эпоса III тыс. до н. э. *Гильгамеша* [Халилов Х. М., 1976, с. 31], а в антропонимии имя шумеро-вавилонской богини Иштар [Котович В. М., 1976, с. 87], в сванском фольклоре обнаружены параллели хеттскому мифу о божестве плодородия Телепину [Бендукидзе Н. А., 1973, с. 95-100]. Подобное диахронное сохранение традиций возможно только при устойчивом сохранении этноса.

Коснемся глубинных этнических преобразований, протекавших на Центральном Кавказе на третьем этапе иранизации. Как было сказано выше, два первых этапа не только подготовили почву для последующего взаимодействия, но и положили начало этнической миксации и интеграции ираноязычного скифа-сарматского и кавказоязычного кобанского этнического пластов. Механизмом названных процессов было начавшееся внутрорегиональное контактирование. В результате на втором (сарматском) этапе и на фоне притока новых сарматских мигрантов с севера разворачивается формирование синкретического этнообразования в контактной зоне предгорий. Синтез субстрата и суперстрата приводит к началу этногонического процесса, в итоге ознаменовавшего оформление аланского этноса Центрального Кавказа. На втором этапе складывается та своеобразная материальная культура, которую В. Б. Ковалевская назвала "позднекобанско-сарматской" [Ковалевская В. Б.,

1988, с. 18]. Тогда же, вероятно, возникло состояние двуязычия, сопровождающее внутрорегиональное контактирование в течение длительного времени [Материалы дискуссии..., 1956, с. 52, 71]. Сложные, нередко враждебные отношения с местными племенами "кадзи" нашли отражение в осетинском нартском эпосе [Кузнецов В. А., 1980а, с. 66-81]. Те же нартские сказания свидетельствуют о начавшихся экзогамных браках [Кузнецов В. А., 1980а, с. 78] между "кадзи" и нартами (сармато-аланами — В. К.), что теоретически было возможно именно в период двуязычия.

Все охарактеризованные выше этнообразующие факторы безусловно продолжали действовать и на третьем этапе и в этом смысле мы вполне можем говорить о континуитете иранизации на всех этапах, что весьма существенно.

При рассмотрении второго этапа мы говорили об этнической ассимиляции, происходившей на Центральном Кавказе в сарматскую эпоху. Ассимилируемой стороной в данном случае был кавказский позднекобанский субстрат, постепенно трансформировавшийся в аланский этнос. Кажется несомненным, что, вопреки Я. С. Гаглойти, этот процесс не был завершен ко времени появления алан, в эпоху раннего средневековья он продолжался и углублялся, поскольку в него теперь были втянуты и горные племена. Поглощение субстратных племен иранским суперстратом документировано лингвистически: в результате длительного периода билингвизма позднекобанские племена постепенно переходят на аланский койне, а затем подвергаются полной языковой иранизации [Абаев В. И., 1949, с. 79; Он же, 1967, с. 17, 18; Материалы дискуссии..., 1956, с. 57-59]. Победа иранского-аланского языка означает не только численное, но и военно-политическое превосходство ираноязычных элементов [Генинг В. Ф., 1970, с. 103, 108, 111, 113; Бромлей Ю. В., 1983, с. 280; особое мнение В. П. Алек-

стр.162

сеева о преобладающем значении субстрата основано только на краниологическом материале без полного учета других данных: Алексеев В. П., 1974, с. 198]. Этническая миксация и интеграция, сложение аланского койне в пределах общей устоявшейся территории, постоянная внешняя опасность и частые войны содействовали консолидации и становлению этнического самосознания в рамках всего племенного объединения, что и отражено внешне в распространении обобщающего этникона "аланы", перенесенного затем на название страны.

Несомненно, после гуннского нашествия и на фоне происходивших в связи с ним массовых миграций, получивших название "Великого переселения народов", на Центральный Кавказ перемещаются новые массы сармато-алан, вероятно, в основном из Волгодонских степей (аланы-танаиты Аммиана Марцеллина), ставших отныне гуннской землей. Видимо, таким массовым приливом новых мигрантов можно сейчас объяснить возникновение густой сети аланских городищ и катакомбных могильников в предгорной зоне, причем многие городища продолжают традиции, начавшиеся в гуннский период. Эти факты дали основание говорить даже о "демографическом взрыве" в Алании VI—XII вв. [Ковалевская В. Б., 1988, с. 20; Кузнецов В. А., 1992, с. 146]. Следует полагать, что новая аланская миграция придавала новые импульсы процессу иранизации на третьем этапе, ускорив ход ассимиляции.

Однако ассимиляция кавказских аборигенов не означала их бесплодного исчезновения. В ход генезиса и эволюции аланского этнического новообразования субстратные племена, как известно, внесли огромный вклад. На это указывают не только следы субстрата в языке, многочисленные элементы кавказского происхождения в аланской археологической культуре, сохранение ряда культурных традиций, но и антропологические материалы. Последние невозможно объяснить

"заимствованием" или чисто внешним воздействием одного этноса на другой. В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей отмечают, что "средневековые аланы отличались от осетин настолько сильно, что разница между ними соответствует разнице между крайними вариантами европеоидной расы" [Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968, с. 39]. Субстратный брахикранный антропологический тип победил, оказавшись биологически, на уровне центрально-кавказского биотического окружения, более приспособленным к экологическим условиям Центрального Кавказа [Алексеев В. П., 1971, с. 43-45]. Характерный для алан сарматского происхождения узколикий долихокранный антропологический тип, представленный в катакомбных могильниках [Ковалевская В. Б., 1988, с. 33; Она же, 1984, с. 171], не отвечал изменившимся природным условиям и его утрата явилась закономерным результатом биологической адаптации сталкивающихся этнических групп [Алексеев В. П., 1971, с. 45]. Таким образом, если ираноязычный суперстрат одержал верх в сфере языка, кавказоязычный субстрат победил в ходе биологической адаптации, что археологически зафиксировано присутствием в катакомбных могильниках брахикранных черепов [Алексеев В. П., Беслекоева К. Х., 1963, с. 108, 113-121]. Сочетание этих первоначально этнодифференцирующих признаков в одном закрытом археологическом комплексе как нельзя лучше демонстрирует те этнические процессы, о которых мы говорили выше и которые привели к образованию аланского — "осского" этноса.

На большом сравнительно-историческом материале Ю. В. Бромлей обосновал идею о существовании в раннеклассовых обществах [а аланское общество во 2-й пол. I тыс. было уже раннеклассовым — Кузнецов В. А., 1971, с. 239, 241] двух уровней народностей. Первый уровень — ареальные народности, сложившиеся на племенной основе в рамках небольших территорий, второй уровень — региональные народности, сложившиеся на основе метаплеменных общностей в рамках значительных территорий-регионов [Бромлей Ю. В., 1983, с. 278]. Я думаю, что эта идея полностью приложима к этнической истории Центрального Кавказа раннего средневековья. В рамках Алании 2-й пол. I тыс. мы вполне можем говорить о существовании двух ареальных народностей: западной — в верховьях Кубани, названной в новом списке "Армянской географии" VII в. ас-тигор [Из нового списка..., 1983, с. 30], *т. е. асы-дигоры* [Hudid al-Alam, 1937, P. 335; Гаглойти Ю. С., 1966, с. 187, 188; Кузнецов В. А., 1962, с. 73], и восточной — в основном на территории Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, связанной генетически с восточной (иранской) группой алан [Кузнецов В. А., 1967, с. 55]. Это этноплеменное деление соответствует дифференциации Алании на западную и восточную и предложенной нами версии о дуальной структуре Алании [Кузнецов В. А., 1988, с. 76, 77]. Выделение внутри Алании двух упомянутых раннесредневековых ареальных народностей алан-асов соответствует и современному членению осетинского народа на две этнические единицы — дигорцев и иронцев.

В то же время есть возможность считать, что на основе Двух только что названных и этнически родственных ареальных народностей шел

стр.163

процесс формирования региональной народности. Мы уже упоминали консолидацию и становление общего этнического самосознания, выразившегося в распространении этника "аланы". Ю. В. Бромлей указывает, что "при возникновении" региональных народностей "обычно в той или иной степени дают о себе знать все виды объединительных этнических процессов" [Бромлей Ю. В., 1983, с. 278]. В действии активной этнической миксации в наших условиях выше было сказано: длительное внутрорегиональное контактирование и взаимное интегрирование составляли механизм генезиса региональной аланской народности. Одновременно с этим в качестве

дополнительного фактора выступила тенденция политической консолидации, выразившаяся сначала в сложении аланского племенного объединения, а затем (на рубеже IX и X вв.) и раннефеодального государственного образования [Бромлей Ю. В., 1983, с. 284]. Стимулирующая роль политических факторов очевидна.

Говоря о третьем этапе иранизации Центрального Кавказа, в целом мы можем полностью разделить заключение Ю. В. Бромлей о том, что "одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев — завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата. Учет этого обстоятельства в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма" [Бромлей Ю. В., 1983, с. 283].

Нет необходимости доказывать значение всех трех рассмотренных выше этапов иранизации Центрального Кавказа для обоснованного научного понимания этногенеза осетинского народа. Видимо, окончательное оформление физического облика осетин, их этнографической культуры происходит в XIV в. (на что указывают обильные материалы из склепа в Дзивгисе, раскопанного в 1982 г., но, к сожалению, пока неопубликованного), но это происходит уже не на предгорной равнине, а глубоко в горах и более не связано с этноязыковой иранизацией. Ход многовекового процесса иранизации был прерван сокрушительными нашествиями татаро-монголов и Тамерлана. Но задолго до появления татаро-монголов на Центральном Кавказе появились кочевники-тюрки, положившие начало процессам тюркизации. Этнополитическая ситуация в регионе серьезно осложнилась.

4. Тюрки. Первый этап тюркизации

Мы уже говорили, что географическая среда в той или иной мере влияет на историю общества, детерминируя некоторые явления. В этом смысле нужно обратить внимание на два крупных ареала Северного Кавказа — Закубанье и Затеречье. Это левый берег Кубани, правый берег Терека и предгорная равнина, заключенная между названными реками и первой цепью Кавказских гор. Как уже отмечалось, это ареал наиболее интенсивных этногенетических контактов.

Нетрудно заметить, что Кубань и Терек на карте имеют сходную конфигурацию: обе реки в верхнем течении выдерживают направление юг-север, но в районе г. Невинномысска и г. Майского есть излучины, откуда Кубань и Терек меридиональное направление меняют на широтное. Начиная от излучин и до низовьев Кубань и Терек четко отсекают Закубанье и Затеречье от предкавказской степи и представляют трудно проходимый естественный рубеж. Рубеж по Кубани и Тереку всегда отделял мир степных кочевников от мира оседлых земледельцев, живших и Закубанье и Затеречье.

В промежутке между Кубанью и Тереком крупных и широтно ориентированных водных потоков нет и этот регион протяженностью с СЗ на ЮВ до 200 км через Ставропольскую возвышенность открыт в степи. Геоморфологически это район гор-лакколитов вулканического происхождения Пятигорья, не представляющих сколько-нибудь серьезного естественного препятствия. Поэтому регион междуречья Кубани и Терека легко доступен для движения степных кочевников. На данное важное обстоятельство, отразившееся на течении местных этногенетических процессов, уже обратили внимание В. Б. Ковалевская [Ковалевская В. Б., 1984, с. 13] и И. М. Чеченов [Чеченов И. М., 1986, с. 7].

Не случайно именно здесь, на территории Кубано-Терского междуречья, начинают выявляться наиболее ранние археологические следы — пока пунктирные — древних тюрок. К их числу принадлежит каменное изваяние тюркского воина с двумя сердцевидными бляхами на груди и двумя косичками, спускающимися с головы на спину [Кузнецов В. А., 1980б, с. 70, рис. 1, 1]. Последние, бывшие у тюрок в моде,

нередко изображались на мужских изваяниях тюрок Азии [Шер Я. А., 1966, табл. I, 3; табл. II, 9, табл. III, 16; и др.] и встречены на Северном Кавказе [Ждановский А. М., 1977, с. 289-292; Навротский Н. И., 1995, с. 158, рис. 1, 1, 2]. Данное изваяние, найденное в районе Пятигорска, я датировал VII—IX вв. [Кузнецов В. А., 1980б,

стр.164

с. 76]. Весьма интересно то, что иконографически изваяние тяготеет к материалу из Центральной и Средней Азии и могло быть оставлено кочевниками, переселившимися на Северный Кавказ из азиатских степей.

Но наиболее четко миграция тюрок в междуречье Кубани и Терека начинает проследиваться с VIII в., когда в степном Предкавказье и на Ставропольской возвышенности возникает сеть поселений VIII—IX вв., дающих керамику салтово-маяцких форм, ранее для Северного Кавказа не характерных и явно привнесенных. В степном Предкавказье поселения салтово-маяцкой культуры в основном открыты и изучены А. В. Гадло [Гадло А. В., 1975, с. 75-77; Он же, 1980, с. 63-64; Он же, 1982, с. 19, 20], числом более 50. Наиболее крупные селища находятся у с. Рогатая Балка, Гофицкое, Китаевка, г. Благодарного, хут. Жуковского [Гадло А. В., 1980, с. 63], самые — северные в окрестностях станицы Новоалександровской и с. Труновского, самые южные — у горы Бештау близ г. Пятигорска и у Кольцо-горы под Кисловодском. На юго-востоке граница салтово-маяцких селищ проходила по р. Куме — на ее правом берегу начинаются селища и городища с аланской керамикой, салтовских форм здесь нет [Гадло А. В., 1975, с. 75]. В керамический комплекс салтово-маяцких селищ Предкавказья входят рифленые крымские амфоры, определяющие хронологию, и подвесные глиняные котлы, приспособленные для кочевого быта и совершенно нетипичные для аланской посуды [Kuznesov V. A., 1990, P. 255-274]. Наблюдения и выводы А. В. Гадло на Ставропольской возвышенности подтверждены и дополнены работами Н. А. Охонько [Охонько Н. А., 1988, с. 259-291; список селищ и городищ состоит из 78 объектов], в районе горы Бештау — В. А. Фоменко [Фоменко В. А., 1989, с. 108, 109].

Перечисленные археологические памятники, датируемые А. В. Гадло VIII—IX вв., явно генетически близкие болгарским памятникам зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры и хорошо отличимые от синхронных аланских, документируют факт массового движения степного тюркского этноса через Ставропольскую возвышенность на юг, в центр междуречья Кубани и Терека — Пятигорье. Картографирование глиняных котлов с внутренними ушками дает любопытные результаты: ареал их бытования четко ложится в Кубано-Терское междуречье [Kuznesov V. A., 1990, P. 260, карта], за его пределами глиняные котлы встречаются спорадически, хотя на средней Кубани их можно ожидать более компактно [Нарожный Е. И., 1993, с. 12-13]. Весьма важно и то, что памятники северокавказского варианта салтово-маяцкой культуры, учтенные и картографированные Ч. Балинтом, клином врезаются в Предкавказье именно в Кубано-Терском междуречье [Balint Cs., 1990, S. 45, карта II].

Создается впечатление, что эта миграция тюрок была нацелена главным образом на овладение прекрасными летними пастбищами Приэльбрусья и скотогонными путями к ним. Возможно и желание поставить под свой контроль трассу "Великого шелкового пути", которая в VI в. пролегла с верхней Кубани через перевал Кумбаши в долину Подкумка и Кисловодскую котловину ["Мисимианский путь" Менандра: Кузнецов В. А., 1993, с. 23-47]. В последней, по В. Б. Ковалевской, сосредоточено 54, 7% катакомбных могильников и именно здесь находилось основное ядро алан, откуда они продвигались на запад и на восток [Ковалевская В. Б., 1984, с. 155].

Заметим, что, по *М. Л. Абрамовой*, район Кабарды-Пятигорья — это территория западной локальной группы сарматских памятников II—III вв. н. э. [Абрамова М. П., 1990, с. 44-51], где ею же отмечено также сильное скифское влияние [Абрамова М. П., 1993, с. 22]. Это создало благоприятные предпосылки для переселения сюда — в более изолированные и защищенные (по *М. П. Абрамовой*) районы — оседлого населения из более открытых, степных районов Ставрополя [Абрамова М. П., 1992, с. 28]. В своей новейшей монографии *М. П. Абрамова* пишет: "Процесс иранизации населения западной группы был наиболее сильным в скифское время, когда скифы создали здесь крупное объединение, установив политическое господство над местными племенами" [Абрамова М. П., 1993, с. 106]. Кажется, есть возможность хотя бы в самой осторожной форме предполагать континуитет древнеиранского этноса на территории Кабардино-Пятигорья по крайней мере со скифского времени, что и привело к формированию здесь в I тыс. н. э. "основного ядра алан" по *В. Б. Ковалевской*. И именно здесь, в районе Кавминвод и верховьев Кубани, мы имеем постепенно приумножающиеся археологические следы тюрков. Появляются открытые селища с салтово-маяцкой керамикой, глиняными котлами и очагами-каменками из вертикально поставленных плит. Наиболее крупное из них — поселение VIII—IX вв. у Кольцо-горы [Кузнецов В. А., 1961б, с. 218]. Есть и другие признаки присутствия тюрков: поминальный комплекс 1-й пол. VIII в. в "Мокрой балке" [Кузнецов В. А., 1985, с. 206-213], древнетюркские аналогии инвентарю из катакомбного могильника VII—VIII вв. на "Директорской гор-

стр.165

ке" [Абрамова М. П., 1982, с. 138, 148, 149]. *В. Б. Ковалевской* на городище "Указатель" обнаружены следы кочевнической юрты в сопровождении салтово-маяцкой керамики, перекрывавшие разрушенное аланское поселение VI—VIII вв. [Ковалевская В. Б., 1981, с. 84, 85].

Вопрос о возможном внедрении тюрко-болгарских этнических элементов в район Кисловодска автором этих строк был поставлен в 1961-62 гг. [Кузнецов В. А., 1961б, с. 214-216; Он же, 1962, с. 76, 88], в 1969 г. была высказана мысль о том, что (судя по хронологии аланских катакомбных могильников) в VIII в. катакомбы исчезают и вновь появляются лишь в X в., что могло указывать на вытеснение алан из Кисловодской котловины и их уход в VIII в. под воздействием нового, тюркского населения. Я допускал, что "ядро" алан из района Пятигорья в 1-й пол. VIII в. могло уйти в Хазарию и там представлять аланский вариант салтово-маяцкой культуры, тогда как Пятигорье было занято передвинувшейся сюда четвертой болгарской ордой после распада "Великой Болгарии" Кубрата во 2-й пол. VII в. [Кузнецов В. А., 1969, с. 298, 299]. *В. Б. Ковалевская* инфильтрацию болгар из Предкавказья в предгорья ставит в связь с присутствием на Северном Кавказе в VI—VII вв. авар [Ковалевская В. Б., 1988, с. 30]. В пользу болгарской принадлежности тюркских памятников Пятигорья-Кисловодска высказываются *А. В. Гадло* [Гадло А. В., 1975, с. 78; Он же, 1980, с. 64; Он же, 1982, с. 20; Он же, 1975, с. 74, 75; Он же, 1986, с. 20], *Я. А. Федоров* и *Г. С. Федоров* [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 72-80]. Наконец, специальную статью данному вопросу посвятил *Г. Е. Афанасьев*, изложивший свои аргументы: в Кисловодской котловине численность аланского населения VI—VIII вв. была настолько высокой (30 поселений), что возникло давление населения на производительные силы, начались междоусобные войны за землю между "катакомбниками" и "скальниками", первые потерпели поражение и при содействии авар были переселены в Верхнее Подонье [Афанасьев Г. Е., 1981, с. 62, 63]. Фактически то же, но в более осторожной форме, *Г. Е. Афанасьев*, подтвердил в своих монографиях [Афанасьев Г. Е., 1987, с. 148, 149; Он же, 1993, с.

151]. Но в статье *Г. Е. Афанасьев* не пояснил, кого он видит в "скальниках", борющихся с "катакомбниками" — аланами и их победивших.

Очевидно, что тюркская инвазия VIII в. не ограничилась Пятигорьем — Кисловодской котловиной. Она захватила все Кубано-Терское междуречье вплоть до правобережья Кубани, где документирована мощной Хумаринской крепостью VIII—X вв. [Биджиев Х. Х., 1983, с. 6] с древнетюркскими руническими надписями [Кузнецов В. А., 1963, с. 298-305; Scerbak A. M., 1962, P. 283-290; Байчоров С., 1974, с. 89-93]. Мной сформулировано предположение, что Хумаринская крепость была сооружена хазарами для контроля пути через Клухорский перевал, что в ней находился хазаро-болгарский гарнизон и, возможно, резиденция хазарского тудуна [Кузнецов В. А., 1974, с. 92; Он же, 1992, с. 164]. Эти построения не встретили возражений у исследователей. Одновременно тюрко-болгарская группа на востоке достигла левого берега р. Баксан, которая, вероятно, стала восточной границей ареала тюркского вторжения. Здесь присутствие тюрков документировано поселением — "стойбищем" в с. Жанхотеко, которое *И. М. Чеченов* сопоставляет со стойбищами в ареалах традиционных кочевий тюркоязычных племен Приазовья, Подонья, Крыма, Предкавказья [Чеченов И. М., 1987, с. 67]. Для керамики отмечено присутствие салтово-маяцких форм и глиняных котлов. *И. М. Чеченов* датирует этот памятник X—XI вв. [Чеченов И. М., 1987, с. 71], этнически связывая его с "новой волной болгарских племен" [Чеченов И. М., 1987, с. 75]. Обсуждая проблему тюркизации в верховьях Кубани-Пятигорье, *И. М. Чеченов* рисует в целом верную, на наш взгляд, историко-демографическую картину [Чеченов И. М., 1987, с. 120, 121], с которой можно согласиться.

Как видим, ареал тюрко-болгарской инвазии на Центральный Кавказ на востоке был ограничен долиной р. Байсан, на западе — верхним течением Кубани. Западнее, в левобережье Кубани, тюркские памятники VIII—IX вв. не обнаружены и можно полагать, что на территории между Кубанью и Большой Лабой сохранялось старое аланское население. Здесь будет уместно указать, что в одной из хумаринских надписей [Кузнецов В. А., 1963, с. 283, рис. 1] *А. М. Щербаку* удалось выделить на основе *т. к. печенежского* алфавита слова "ирк" — межа, "сала" — прокладывая, устанавливая, "огузуг" — реку — т. е. "межу" (границу) проложил по реке (личное сообщение *А. М. Щербака* автору). Напрашивается вывод, что рекой, по которой кто-то проложил между тюрками и аланами, была Кубань в ее меридиональном течении.

Наши построения станут еще более доказательными тогда, когда будет собрана и проработана древняя топонимика тюркского ареала. В ней должен выявиться древнетюркский пласт. Сейчас в качестве примера приведем название горы Бештау у г. Железноводска. Это тюркское наименование ("Пять гор" — *В. К.*) *П. Г. Акритас* приписал "горским татарам" (*т. е. балкарцам*), переселившимся в XVI в. из Крыма в Пятигорье

стр.166

и Кабарду [Акритас П. Г., 1954, с. 214]. Мы не знаем такого переселения "горских татар", но дело не только в этом. Топоним "Бештау" стал впервые известен в 1-й пол. XIV в., когда в Пятигорье находилась летняя ставка золотоордынского хана Узбека, о чем сообщает Ибн-Батута [Тизенгаузен В., 1884, с. 289]. Поскольку Орда застала уже существовавшее название Бештау, возникновение его следует относить к более раннему, нежели XIV в., времени — либо к первому, либо ко второму этапу тюркской массовой миграции [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 80].

Подводя итоги, мы можем сказать, что в 1-й пол. XIII в. в Кубано-Терское междуречье, естественно-географически открытое в степь, произошла массовая миграция тюрков, скорее всего болгар — носителей степного варианта салтово-маяцкой

культуры, тесно связанного с Хазарским каганатом. Ареал тюркской инвазии простирался от правого берега Кубани до левого берега Баксана, время этого события — 1-я пол. VIII — нач. X в. Вполне вероятно, что расселение тюрков на этой территории было политическим актом со стороны Хазарии, преследовавшей свои стратегические цели; о них говорилось выше. Возможна еще одна причина чисто политического характера. По свидетельству Ибн ал-Асира, в 722 г. тюрки напали на аланов [Ибн-ал-Асир, 1940, с. 23]. Я уже писал, что "какая-то часть алан пыталась не подчиниться хазарскому диктату и это вызвало ответные действия хазар" [Кузнецов В. А., 1992, с. 156]. На помощь взбунтовавшимся аланам из Закавказья поспешили арабы: в 723 г. их армия во главе с Сабитом ан-Нахарани вступила в Аланию через Дарьяльский проход, но была разбита хазарами в местности "Луг камней" [Ибн-ал-Асир, 1940, с. 22, 23]. Попытка арабов привлечь алан в союзники провалилась, в противостоянии с хазарами аланы потерпели поражение и в наказание "ядро" алан из района Пятигорья-Кисловодска было административно переселено в верховья Дона и Донца, на опасный северо-западный рубеж Хазарии, где аланы стали хазарскими федератами и несли службу по охране границы. Если эти соображения верны, мы получаем достаточно точную дату запустения аланских городищ Пятигорья-Кисловодска, переселения алан в верховья Дона и Донца, возникновения салтово-маяцкой культуры и встречного расселения тюрков в междуречье Кубани и Терека — это 20-е годы VIII в. (возможно, 724—725 гг.).

Первый этап тюркской миграции на Центральный Кавказ сыграл огромную роль в этнической и политической истории Северного Кавказа. Наиболее значительных последствий три.

Первое: плавный эволюционный ход иранизации Центрального Кавказа, определившийся в полученные выше этапы иранизации, был резко нарушен, а в Кубано-Терском междуречье прерван. Второе — положено начало маргинальному и внутрирегиональному контактированию тюрков с местным, теперь уже аланским субстратом, соответственно процессу этнической миксации тюрков и алан и тюркизации последних в ареале внутрирегионального контактирования, *т. е. начало* тюркизации и этногенеза современных карачаевцев и балкарцев. Третье: тюркский анклав разделил этносферу Алании на две части — западную и восточную — и обусловил (в условиях начавшегося становления региональной народности) консервацию и сохранение четких этнодифференцирующих признаков дигорцев и иронцев, доживших до наших дней. Как видим, все это имеет прямой отношение к этногенезу и ранней истории трех народов Центрального Кавказа — осетин, балкарцев, карачаевцев. Для двух последних аланы (сами уже к VIII в. сильно метисованные) выступили как этнический субстрат при тюркском суперстрате. История повторилась на новом витке, начался новый этнический симбиоз — алан и тюрков [Гумилев Л. Н., 1988, с. 228-234; Цулая Г. В., 1993, с. 85].

Мы говорили о процессе этнической миксации и тюркизации в пределах Кубано-Терского междуречья. Этот процесс предполагает не поголовные уход ираноязычных алан на север и присутствие их какой-то части на контактной территории. Именно этим объясняются многочисленные (до 200) аланизмы в балкарском и карачаевском языках, что дало основание *В. И. Абаеву* писать: "Балкарцы, карачаевцы — кавказские народы, они оформились на аланском субстрате, аланский субстрат — это не догадка, не предположение, это не гипотеза, это прочно установленный научный факт" [Абаев В. И., 1960, с. 133]. Сказанное подтверждается осетино-балкарскими этнографическими параллелями [Колоба Б. А., 1972, с. 20-30] и особенно сармато-аланскими элементами в традиционной материальной культуре балкарцев и карачаевцев [Батчаев В. М., 1986, с. 41-79]. Все эти факты нужно рассматривать не столько как результат заимствования,

сколько как результат оформления еще одного этнического новообразования — на этот раз тюркоязычного.

Вернемся к салтово-маяцкой культуре VIII— X вв. и попытаемся выстроить рабочую гипотезу о возможной судьбе ее носителей в X в., после угасания самой культуры. Вопрос неясный и спорный, может быть, поэтому исследователи редко к нему обращаются. Салтовские

стр.167

аланы, служившие хазарам в качестве профессиональных федератов, представляли крупную военную силу [по расчетам *Д. Т. Березовца*, на одном Салтовском могильнике размещалось до 30 тыс. катакомб: *Плетнева С. А.*, 1967, с. 88]. Археологи считают, что салтово-маяцкая культура (ее аланский вариант) прекратила свое существование в начале X в. [*Плетнева С. А.*, 1967, с. 135, 143; *Афанасьев Г. Е.*, 1987, с. 155; *Плетнева С. А.*, 1981, с. 64; *Михеев В. К.*, 1985, с. 3; и др.]. *С. А. Плетнева* приводит более точную хронологию аланского варианта салтово-маяцкой культуры: середина VIII в. — первые десятилетия (до середины) X в. [*Плетнева С. А.*, 1981, с. 64]. Узкая археологическая хронология позволяет коррелировать ее событиями, известными по письменным источникам. Как отмечалось выше, переселение алан на Дон-Донец из Кубано-Терского междуречья имело место в 20-е гг. VIII в., что и уточняет время появления салтово-маяцкой культуры.

М. И. Артамонов нарисовал драматическую картину поголовного избиения донских алан хазарами, полного уничтожения салтово-маяцкой культуры "без какого-либо продолжения свойственных ей признаков в соседних областях", а уцелевшие донские асы искали спасения у своих союзников печенегов [*Артамонов М. И.*, 1962, с. 357, 258]. Фактически не коснулись причин прекращения салтово-маяцкой культуры *С. А. Плетнева* [*Плетнева С. А.*, 1967], *Г. Е. Афанасьев* [*Афанасьев Г. Е.*, 1981; Он же, 1987] и *В. К. Михеев* [*Михеев В. К.*, 1985]. Последний безоговорочно пишет, что в Хазарский каганат "вошли и аланы, переселенные центральным Хазарским правительством на Дон с Северного Кавказа" [*Михеев В. К.*, 1985, с. 97], причину же запустения салтово-маяцкой культуры, судя по осторожному контексту, видит в печенежском вторжении конца IX в. [*Михеев В. К.*, 1985, с. 99]. Я склонен согласиться с *М. И. Артамоновым* — салтово-маяцкая культура прекратила свое существование в связи с войной, которая, согласно "Кембриджскому документу" X в., разразилась между хазарами и аланами во время хазарского царя Аарона. По *А. П. Новосельцеву*, война состоялась в начале 30-х гг. X в. [*Новосельцев А. П.*, 1990, с. 195, 196]. Кстати, эта дата хорошо соответствует археологической дате гибели многих салтовских поселений около середины X в. [*Плетнева С. А.*, 1981, с. 64] и одновременной гибели ряда поселений в прилегающих славянских землях и Восточного Крыма [*Ляпушкин И. И.*, 1958, с. 148]. Исходя из исторического контекста и свидетельства ал-Масуди об отречении алан от христианства в 932 г. [*Минорский В. Ф.*, 1963, с. 204], я полагаю, что упомянутая война имела место в 931-932 гг. при византийском императоре Романе Лакапине.

Война, о коей повествует "Кембриджский документ" и ал-Масуди, явно велась царем кавказской Алании. Об участии салтовских алан в этой войне прямых сведений нет. Но в дальнейшем тексте "Кембриджского документа" прямо сказано, что среди народов, воюющих с хазарами, находится "Асия", *т. е. асы*. Есть основания полагать, что в устах хазарских авторов асы — это салтовские аланы [*Артамонов М. И.*, 1962, с. 246; *Кузнецов В. А.*, 1992, с. 168 и др.]. В таком случае источник позволяет допустить, разумеется, в виде осторожного предположения, что в войне 931-932 гг. на стороне сородичей — северокавказских алан — могли выступить салтовские аланы — асы. Те и

другие потерпели поражение, кавказские аланы отреклись от христианства, а салтовские подверглись той экзекуции, о которой писал *М. И. Артамонов*. После этого, в 932-933 гг., салтовские аланы оставили Хазарию и вернулись на Северный Кавказ.

Лишь небольшая этническая группа асов-ясов осталась на Дону, просуществовав здесь до XII в. [Кирсанов А. Н., 1988, с. 67-71]. В Кисловодской котловине возвращение алан отмечено, после 200 лет перерыва, возрождением обряда погребения в катакомбах XI—XII вв. [Кузнецов В. А., 1962, с. 27-29; Савенко С. Н., 1986, с. 75-92]. Но эти могильники изучены еще слабо и делать далеко идущие выводы было бы преждевременно.

Наша гипотеза о возвращении салтовских алан, при всей ее смелости, была нами высказана в 1969 г. [Кузнецов В. А., 1969, с. 297], но отрицательной реакции также не встретила. В историческом контексте, на наш взгляд, она находит объективное подтверждение в весьма заметном возвышении и усилении Алании в X в., что неоднократно отмечалось в литературе и не требует доказательств. Возвращение крупных контингентов опытных и хорошо вооруженных конных воинов во главе с аскими тарханами и рыцарской дружиной резко усилило военно-политический потенциал Алании и это не осталось незамеченным в источниках. Конечно, основной движущей силой усиления Алании в X в. был имманентный процесс внутреннего социально-экономического развития, но и внешние благоприятные факторы имели значение. Возвращение алан в Кубано-Терское междуречье имело и определенное значение для местного этнического процесса: ход тюркизации был осложнен появлением волны ираноязычных переселенцев из Салтова, территориальный разрыв между западной и восточной Аланией устранен, нарушенный процесс политической и

стр.168

этнической консолидации восстановлен. Аланские цари получили возможность осуществлять свой суверенитет на всей территории Алании [Кузнецов В. А., 1992, с. 169; Он же, 1988, с. 79-81]. Но процесс тюркизации за 200 лет зашел слишком далеко и можно полагать, что в Кубано-Терском междуречье тюркоязычное этническое новообразование сохранилось.

5. Тюрки. Второй этап тюркизации

Такой вырисовывается этногеография Алании к XI в., когда в восточноевропейских степях появляются тюркоязычные половцы, в русской летописи впервые отмеченные в 1055 г. [ПСРЛ, 1923, с. 150]. Ясно, что в степи они появились несколько раньше — в 1-й пол. XI в. Тогда же они, очевидно, проникли и в северокавказскую степь, вскоре включенную в "Дешт-и-Кипчак" — Кипчакскую или Половецкую степь [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 240]. Широкое освоение степей Предкавказья, вплоть до северного Дагестана, половцами в XI-XII вв. рассмотрено в монографии *Я. А. Федорова* и *Г. С. Федорова* [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 216-256] и это освобождает меня от подобного обзора. С инвазией половцев на Центральный Кавказ связан второй этап тюркизации. Он может быть расчленен на две фазы: дозолотоордынскую и золотоордынскую.

ДОЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ФАЗА. В степях Северного Кавказа выявлено большое количество типичных половецких каменных изваяний — "каменных баб" [Минаева Т. М., 1964, с. 175-188, рис. 4 — карта; Плетнева С. А., 1974]. Сводка, составленная *Т. М. Минаевой*, в последнее время дополнена сводкой *Х. Э. Биджиева* [Биджиев Х. Х., 1987, с. 27-44]. Необходимо подчеркнуть, что накопленный по изваяниям материал еще слабо изучен и не дифференцирован типологически и хронологически, что важно для исторической интерпретации, Уже при первом подходе к анализу ставропольских изваяний *Т. М. Минаева* отметила неоднозначность материала и писала, что некоторые

статуи не могут быть отнесены к половецким [в частности, два изваяния она отождествляет с тюркютами по терминологии *Л. Н. Гумилева*; Минаева Т. М., 1964, с. 188, рис. 10]. Если это так, то это — материал значительно более ранний, нежели половецкий, и он может сомкнуться с изваянием из Пятигорского музея [Кузнецов В. А., 1980б, с. 71, рис. 1, 1], демонстрируя наиболее раннюю тюркскую волну в контактной зоне Центрального Кавказа VI—VII вв. Сейчас же заметим, что, следуя типологии половецких "каменных баб", разработанной *С. А. Плетневой* [Плетнева С. А., 1974], в Предкавказье мы можем видеть изваяния всех трех периодов (сер. XI — 40-е гг. XIII в.). Это дает достаточно твердую хронологию пребывания половцев на Центральном Кавказе, полностью подтверждаемую письменными источниками [Анчабадзе З. В., 1960, с. 113-126], а также отдельными археологическими находками, собранными *Т. М. Минаевой* [Минаева Т. М., 1964, с. 167-195]. К сожалению, не вызывают полного доверия материалы по северокавказскому ареалу тюркской рунической письменности, собранные *С. Я. Байчоровым* на территории от Малки до Большой Лабы [Байчоров С. Я., 1983, с. 16; Он же, 1989, с. 166-250], иначе тюркский фонд источников был бы еще репрезентативнее.

Картографирование тюркских изваяний [Биджиев Х. Х., 1987, рис. 4] показывает, что "каменные бабы" и, следовательно, половцы проникают вглубь контактной зоны кубано-терского междуречья, местами проникая и в горы в районе альпийских пастбищ Бичесына [Биджиев Х. Х., 1987, с. 34-35]. В отличие от первого этапа тюркизации, на втором этапе (XI—XII вв.) тюркский этнос появляется и на левом берегу Кубани — в восточной части Закубанья, *т. е.* на той территории между Кубанью и Лабой, где находился центр западной Алании. Известные здесь каменные изваяния воинов неоднократно публиковались [МАК, 1896, с. 140-142, табл. XXIII; Прозрителев Г. Н., 1906, с. 10; Кузнецов В. А., 1962, с. 62, рис. 19; Минаева Т. М., 1971, с. 219-221, рис. 40, 41; Биджиев Х. Х., 1987, с. 30-35, рис. 1; 2]. Нельзя не заметить, что изваяния (это только воины с оружием) восточного Закубанья иконографически тесно связаны с тюркской пластикой, но в то же время настолько своеобразны и отличаются от половецких "баб", что *Н. И. Веселовский* назвал их даже "мнимыми каменными бабами" [Веселовский Н., 1905]. Это слишком суровый приговор: рассматриваемая группа статуй на месте не имеет предшествующей традиции, последняя принесена из евразийских степей тюрками в XI—XII вв. скорее всего половцами ([Кузнецов В. А., 1962, с. 75; Минаева Т. М., 1971, с. 215, 216], но *Т. М. Минаева* неубедительно датирует зеленчукское изваяние VIII—IX вв., с. 217). Я думаю, что верхнекубанские изваяния представляют отпочкование от общего ствола тюркских изваяний, наделенных не только хронологическими, но и локальными отличиями. Восточнокубанский ареал тюркских статуй XI—XII вв. демонстрирует именно такое локальное своеобразие, вероятно отражающее этническое и культурное своеобразие группы половцев, проникшей в этот ареал. Охарактеризовать его

стр.169

обстоятельнее мы не можем из-за отсутствия новых источников.

Распространение массивных, нетранспортабельных (в отличие от глиняных котлов или отдельных вещей) тюркских изваяний в восточном Закубанье означает бесспорное расселение тюрков в междуречье Кубани — Большой Лабы в XI—XII вв. Этот вывод имеет подтверждение в наблюдениях *Т. М. Минаевой*: на городище Кубина "половецкие погребения располагались на развалинах аланского городища X—XI вв. Ко времени появления в данном месте половцев жизнь на нем прекратилась". Тогда же замерла жизнь на городищах Учкурка и Адиюх, в XI в. прекращают существование аланские поселения близ аулов Эльбурган и Ново-Кувинского. По этому поводу *Т. М.*

Минаева пишет: "Открытие кубинских половецких курганов дает объяснение такому положению. Причину его можно усматривать в наступлении на равнины предгорий кочевников — половцев, опасных соседей для оседлого земледельческого населения. Наступление это нельзя представлять в виде военного вторжения, это было медленное продвижение кочевников на богатые растительностью пастбища. Оседлое население постепенно отступало к югу, под защиту гор. Следов внезапного вражеского нападения исследованные нами городища Адиух и близ Кубины не носят. Жители оставляли эти городища мирным путем, унося с собою все свое имущество" [Минаева Т. М., 1964, с. 189-191]. В другой работе *Т. М. Минаева* замечает: "Археологическими материалами пока слабо освещается вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах аланы оставили верхнее Прикубанье", отступили ли они восточнее в горы или были ассимилированы тюрками [Минаева Т. М., 1971, с. 227]. Я привел пространные цитаты из публикаций *Т. М. Минаевой* потому, что они верно отражают суть сложившейся в XI—XII вв. этнополитической ситуации [Гадло А. В., 1986, с. 217-221].

Справедливость приведенных выводов подтверждается и моими многолетними раскопками крупного Нижне-Архызского городища X— XII вв. в ущелье Большого Зеленчука — в XII в. оно заглохло, хотя жизнь здесь теплилась до XIII—XIV вв. [Кузнецов В. А., 1986, с. 246]. В Нижнем Архызе находился центр и кафедральный собор Аланской христианской епархии. Как установил недавно *С. Н. Малахов*, в XII в. (между 1084 и 1105 гг., то есть, по нашим расчетам, вскоре после смерти крупного аланского царя Дургулея Великого [Кузнецов В. А., 1988, с. 80], Аланская епархия из Нижнего Архыза была перемещена в г. Сотирюполь в Малой Азии, на берегу р. Чорох [Малахов С. Н., 1992, с. 152, 154]. Не вскрывая причин, *С. Н. Малахов* считает (независимо от показаний археологии), что с кон. XI — нач. XII в. "в Алании протекает быстрый процесс дезурбанизации складывавшихся ранее городских центров, номадизация хозяйства и всех сфер быта основной части населения" [Малахов С. Н., 1992, с. 159]. Номадизация экономики и быта подтверждается актом СХIV Константинопольской патриархии 1347 г., но речь в акте идет о событиях XII в.: Сотирюпольская кафедра должна состоять кафедрой Аланского архиерея, "так как митрополия сия не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее пастушеский" [Древние акты..., 1867, с. 447]. Видимо, к концу XII в. кочевники в этой части Алании уже преобладали.

Нет сомнения в том, что мы имеем дело с фактом глубокого внутрирегионального контактирования, этнической миксации и интеграции аланского субстрата и тюркского — половецкого суперстрата на основе двуязычия и оформления тюркского койне. В результате в регионе к западу и востоку от верхнего течения Кубани формируется новое этническое новообразование — основа балкаро-карачаевского народа. Данная версия в настоящее время соответствует состоянию источников и содержащейся в них информации об этногенезе и культурогенезе этих горских тюркских народов, хотя она и не претендует на полноту. Нет оснований и для недоумений о том, что современные балкарцы и карачаевцы в устах соседей или собственных именовались "асами" и "аланами" [Алборов Б. А., 1960, с. 108-112; Волкова Н. Г., 1973, с. 94] — они, не будучи ираноязычным аланским этносом, но наложившись на него, восприняли аланскую этнонимеку, не став от этого ираноязычными аланами. Мы говорим не о неких аланах, "изначально тюркоязычных", а о новой этнической общности, интегрировавшей в себе черты аланского субстрата и тюркского суперстрата. В этом смысле балкарцы и карачаевцы являются самыми молодыми горскими народами Кавказа.

Ушло ли аланское население из верховьев Кубани, как это казалось *Т. М. Минаевой*? Часть его с территории Балкарии могла мигрировать в Дигорское ущелье Северной Осетии и влиться в дигорскую часть осетин. Но основная масса западных

алан осталась на своей территории и постепенно была ассимилирована тюрками. На пребывание ираноязычных алан в горах верхнего Прикубанья надежно указывает аланская Зеленчукская надпись, датируемая Л. Згустой XI—XII вв. [Zgusta L., 1987, P. 19]. Таким образом, в ареале бассейна верхней Кубани в ре-

стр.170

зультате двух последовательных этапов тюркизации произошли огромные демографические изменения — на месте формировавшегося аланского этноса возникло новое тюркское этнообразование.

Аналогичные процессы наблюдаются и в более восточных районах Северного Кавказа, хотя их следы пока немногочисленны и могут вызывать различные суждения. Выше мы уже говорили о тюркских археологических памятниках Кавминвод на первом этапе тюркизации, начавшемся не позже VII в., причем в районе, очень плотно населенном аланами. Есть некоторое основания думать, что тюркская инвазия на Кавминводах продолжалась и в дозолотоордынскую фазу второго этапа тюркизации. На это могут указывать раскопанные в 1959 г. А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым катакомбные могильники XI—XII вв. (датируемые стеклянными браслетами) Кольцо-гора и у мебельной фабрики № 1 г. Кисловодска. Особенностью погребального обряда было наличие деревянных гробов и настилов под погребенными из поперечно положенных плах, в одном случае напоминающим лестницу [Кузнецов В. А., 1962, с. 27-29, рис. 2, 4, 5]. Для аланских катакомбных могильников подобные деревянные конструкции необычны.

Появление деревянных гробов может быть объяснено влиянием христианской религии, с X в. распространившейся в западной части Алании. Но сплошные или решетчатые дощатые настилы — своего рода погребальные носилки — с воздействием христианства связать трудно. Здесь могут быть иные причины.

Допустимо предположение, что погребальные настилы связаны с половецким обрядом. По классификации С. А. Плетневой, это четвертая группа тюркских погребений, относящаяся к половцам, одна из ее характерных черт — гробы, изготовлявшиеся из отдельных поперечных дощечек [Плетнева С. А., 1958, с. 173, рис. 13, в, 8]. То же самое констатирует Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 130]. Степень сходства такова, что не учитываться из может. Если эти догадки верны, мы сталкиваемся с интереснейшим явлением этнического и культурного синкретизма двух народов, переживавших период внутрирегионального контактирования и смешивания, мы оказываемся на дне своеобразного этногенетического "котла". Исторический контекст первого этапа тюркизации не противоречит данным построениям, скорее наоборот.

Приведенные скромные данные о половецкой инвазии XI—XII вв. в район Кисловодска могут быть дополнены новыми раскопками С. Н. Корневского в 1982 г. близ Кисловодска, на правом берегу Подкумка. В курганах эпохи ранней бронзы были обнаружены два впускных погребения средневековой эпохи. Погребения были совершены "в деревянных конструкциях типа рамы или ящика из длинных плах, с поперечным перекрытием из более коротких плашек. Одна могила ориентирована на ЮВ, другая на запад. Положение вытянутое на спине". В инвентарь входили железные удила, стремяна, берестяной колчан [Корневский С. Н., 1984, с. 125]. Данные погребения С. Н. Савенко отождествил с половецкими, с чем следует согласиться [Савенко С. Н., 1986, с. 81].

Очень важные наблюдения сделаны недавно на материалах из аланского катакомбного могильника XI—XII вв. в станице Змейской (Северная Осетия). Особый интерес для нас здесь состоит в том, что подобно только что упомянутому катакомбным

могильникам близ Кисловодска, тюркские следы вновь проявляются в типичном аланском некрополе, синхронном Кольцо-горе и мебельной фабрике № 1. Видимо, в обоих районах Алании шли сходные процессы этнической интеграции. Суть дела в том, что в краниологических материалах Змейского могильника представлен южносибирский антропологический тип, широко распространенный, в частности, в половецких могилах Калмыкии. Антрополог *А. Б. Шевченко* рассматривает этот факт как "свидетельство участия половцев в расогенезе змейской группы алан" [Шевченко А. В., 1986, с. 105-106]. И эти факты необходимо полностью учитывать.

ЗОЛОТООРДЫНСКАЯ ФАЗА в литературе уже освещалась [Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978, с. 257-290; Лавров Л. И., 1969, с. 65-77; Он же, 1974, с. 10, и др.]. Согласно Ибн-ал-Асиру, в 1222 г. аланы и кипчаки, бывшие союзниками, совместно выступили против вторгшихся в Предкавказье татаро-монголов. Союзники были поочередно разбиты, после чего часть кипчаков укрылась в болотах, "другие в горах" [Тизенгаузен В., 1884, с. 25, 26], *т. е. горах* Кавказа, что и явилось исходной точкой этногенеза современных балкарцев и карачаевцев. Наиболее радикально эта концепция сформулирована в работах *Л. И. Лаврова*. Однако, подтверждая справедливость тезиса о решающей роли половцев, а не болгар, в тюркизации Балкарии (что подтверждают и языковеды), *В. М. Батчаев* резонно не согласился с утверждениями о том, что начало этому процессу было положено событиями 1222 г. и отметил: "В настоящее время мы не располагаем сколь-либо убедительными аргументами в пользу традиционной версии о проникновении половцев в горы именно в 1222

стр.171

г." [Батчаев В. М., 1980, с. 80, 84]. Сам *В. М. Батчаев* склоняется в пользу вывода о тюркизации Балкарии не ранее XIV в., а плацдармом этого процесса была плоскостная Алания, в XIII—XIV вв. заселенная половцами после монгольского завоевания [Батчаев В. М., 1980, с. 88]. Именно предкавказская группа половцев, вытесненная из степи в предгорья и отошедшая затем в горы под давлением кабардинцев, положила начало балкарской народности.

Известно, какую крупную роль играли половцы в этносфере Золотой Орды [Федоров-Давыдов Г. А., 1966, с. 204 сл.]. У нас нет оснований считать, что на Центральном Кавказе было иначе. В частности, в некоторых поздних погребениях XIV в. могильника у северного Зеленчукского храма мною выделены степные половецкие элементы, а могильник под городской площадью Верхнего Джулата — золотоордынского города в Северной Осетии — я связываю с половецким пластом населения этого города. Археологические данные по проблеме только начинают накапливаться, но уже сейчас можно думать, что инвазия тюрок эпохи Золотой Орды сначала в контактную зону предгорий, затем в горную зону стала последней и решающей тюркской волной, окончательно завершившей процесс генезиса нового тюркоязычного этнообразования в горах Центрального Кавказа. В последней своей книге *Л. Н. Гумилев* писал: "Согласно наблюдениям, новые этносы возникают не в монотонных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов и в зонах этнических контактов, где неизбежна интенсивная метисация" [Гумилев Л. Н., 1990, с. 55]. Изложенный выше материал, в каких-то частях и деталях осмысленный по новому, полностью согласуется с заключением *Л. Н. Гумилева*. Центральный Кавказ, лежащий на границе ландшафтных зон, исторически был обречен стать полигоном сложных этнических взаимодействий.

В заключение нужно еще раз обратить внимание на явно особую роль центральнокавказского субрегиона в местных этногенетических процессах. Они шли по всему Северному Кавказу. Но локальное отличие, бросающееся в глаза в пределах

центральнокавказского субрегиона — это специфическая открытость Кубано-Терского междуречья на север, в южнорусские степи, и определенная соподчиненность этнополитической истории Центрального Кавказа с теми крупными историческими явлениями, которые происходили в названных степях. Данное обстоятельство способствовало постоянному притоку степного населения в центральнокавказский субрегион и его аккумуляции, что и определило здесь ход и результаты этногенетических процессов; имеются в виду явления иранизации и тюркизации такой силы и активности, какие не наблюдались ни в западнокавказском, ни в восточнокавказском субрегионах. В этом — феномен и огромное своеобразие Центрального Кавказа, ставшего ареалом формирования осетин, балкарцев и карачаевцев, тогда как западнее и восточнее их и вне территории исторической Алании основной пласт этносферы по-прежнему составляли автохтонные адыго-абхазские и вайнахо-дагестанские племена, сохранившиеся до наших дней как пример диахронной исторической устойчивости.

Изложенные здесь представления и выводы в основных своих чертах согласуются с построениями *В. Б. Ковалевской, М. П. Абрамовой, И. М. Чеченова, В. М. Батчаева*, использованными выше. Последнее из них, касающееся иранизации и принадлежащее перу *М. П. Абрамовой* [Абрамова М. П., 1993, с. 191-201], отличается от наших построений признанием только двух этапов иранизации и отрывом иранизации от процесса тюркизации. Полагаю, что эти два процесса на Центральном Кавказе так тесно взаимосвязаны, что они не могут рассматриваться изолированно и независимо друг от друга. Признание культурного синтеза и интеграции приоритетным направлением в культуругенезе [Массон В. М., 1995, с. 7] для нас означает аналогичное приоритетное направление и в этногенезе.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И., 1949.* Осетинский язык и фольклор. I. М. -Л.
Абаев В. И., 1960. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
Абаев В. И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
Абаев В. И., 1967. Этногенез осетин по данным языка. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.
Абрамова М. П., 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. № 2.

стр.172

- Абрамова М. П., 1984.* Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси.
Абрамова М. П., 1989а. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Абрамова М. П., 1989б. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — I вв. н. э.) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М.
Абрамова М. П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II—III вв. н. э. // КСИА. Вып. 197.
Абрамова М. П., 1992. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. № 2.

- Абрамова М. П., 1993.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.
- Акритас П. Г., 1954.* Древнейшее название горы Бештау // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик.
- Алборов Б. А., 1960.* Почему осетины называют балкарцев "асы" // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Алексеев В. П., Беслекоева К. Х., 1963.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. № 114.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968.* К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.
- Алексеев В. П., 1971.* Человек: биология и социологические проблемы // "Природа". № 8.
- Алексеев В. П., 1974.* Происхождение народов Кавказа. М.
- Анфимов Н. В., 1947.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. Вып. XVI.
- Анфимов Н. В., 1975.* К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докладов. Махачкала.
- Анчабадзе З. В., 1960.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Артамонов М. И., 1962.* История хазар. Л.
- Афанасьев Г. Е., 1981.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г. Е., 1987.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
- Афанасьев Г. Е., 1993.* Донские аланы. М.
- Байчоров С. Я., 1974.* Надписи Хумаринского городища // Советская тюркология. № 4. Баку.
- Байчоров С. Я., 1983.* Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Байчоров С. Я., 1989.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь.
- Батчаев В. М., 1980.* Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик.
- Батчаев В. М., 1986.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Бендукидзе Н. А., 1973.* Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник). IV. Тбилиси.
- Берлизов В. Е., 1990.* Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. — III в. н. э.) // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л.
- Биджиев Х. Х., 1983.* Хумаринское городище. Черкесск.
- Биджиев Х. Х., 1987.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Бромлей Ю. В., 1983.* Очерки теории этноса. М.
- Веселовский Н., 1905.* Мнимые каменные бабы (Отд. оттиск). Спб.
- Виноградов В. Б., 1965.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. № 1.
- Виноградов В. Б., 1971.* Связи Центрального и Северо-Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.

Виноградов В. Б., Петренко В. П., 1984. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.

стр.173

Виноградов В. Б., Березин Я. Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э. — IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Виноградов В. Б., 1987. Подонско-предкавказская "Савроматия" (некоторые задачи комплексного изучения) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тез. докладов. Новочеркасск.

Волкова Н. Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.

Габуев Т. А., 1986. История племен центральных районов Северного Кавказа в I—VII вв. н. э. (по данным погребального обряда) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.

Гаглов Д. С., 1987. Действительность и домыслы // Изв. ЮО НИИ АН ГССР. Вып. XXXI.

Гаглойти Ю. С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

Гаглойти Ю. С., 1969. К истории северокавказских аорсов и сираков // Изв. ЮО НИИ АН ГССР. Вып. XV. Цхинвали.

Гаглойти Ю. С., 1989. К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.

Гаглойти Ю. С., 1990. Сарматы и кавказцы // Вопросы иранистики и алановедения. Тез. докладов. Владикавказ.

Гадло А. В., 1975. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // V Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докладов). Махачкала.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.

Гадло А. В., 1980. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). М.

Гадло А. В., 1982. Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966-1981 гг. // Вестник ЛГУ. № 2.

Гадло А. В., 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. Серия 2. Вып. 1.

Гадло А. В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. Спб.

Генинг В. Ф., 1970. Этнический процесс в первобытности. Свердловск.

Гмыря Л. Б., 1986. К этнической интерпретации погребений Паласа-Сыртского могильника // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Орджоникидзе.

Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.

Гумилев Л. Н., 1988. Слависты и номадисты // Русская литература. № 2.

Гумилев Л. Н., 1990. География этноса в исторический период. Л.

Демаков А. А., 1990. К вопросу об этнической принадлежности скальных захоронений // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

Древние акты..., 1867. — Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. Т. VI. Одесса.

Ждановский А. М., 1977. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // СА. № 1.

- Ждановский А. М., 1985.* История племен среднего Прикубанья во II в. до н. э. — III в. н. э. // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М.
- Ибн-ал-Асир, 1940.* Тарих-ал-камилъ. Перев. П. Жузе. Баку.
- Из нового списка..., 1983* — Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому (пер. К. Патканова) // ЖМНП. 4. ССХХVI. СПб.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992.* Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Каменецкий И. С., 1965.* Ахардей и сираки // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР (тез. докладов). Баку.
- Каминский В. П., 1984.* Раннесредневековые аланские катакомбы на средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Каминский В. Н., 1987.* Сарматы в восточном Закубанье // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тез. докладов. Новочеркасск.
- Каминский В. Н., 1988.* Рец. на кн.: И. М. Мизиев. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 // СА. № 4.
- Кирсанов А. Н., 1988.* Донецкие аланы на рубеже XI—XII вв. // Методика исследования и интерпретация археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Керефов Б. М., 1978.* К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII Крупновские чтения (тез. докладов). Нальчик.
- Керефов Б. М., 1985.* Чечемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик.
- Керефов Б. М., 1988.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.

стр.174

- Ковалевская В. Б., 1981.* Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Ковалевская В. Б., 1984.* Кавказ и аланы // Века и народы. М.
- Ковалевская В. Б., 1988.* Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказские племена и передвижения ираноязычных племен) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М.
- Козенкова В. И., 1989.* Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Колоба Б. А., 1972.* Осетино-балкарские этнографические параллели // СЭ. № 3.
- Корневский С. Н., 1984.* Работы Предгорного отряда // АО-1982 г. М.
- Котович В. М., 1976.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.
- Крупнов Е. И., 1960.* Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е. И., 1969.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1961а.* Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса) // МАД. Т. II. Махачкала.
- Кузнецов В. А., 1961б.* Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1962.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
- Кузнецов В. А., 1963.* Надписи Хумаринского городища // СА. № 1.
- Кузнецов В. А., 1967.* Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1969.* Рец. на кн.: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967 // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1971.* Аланы в X—XIII вв. Орджоникидзе.

- Кузнецов В. А., 1973.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1974.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС. Вып. 1. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1980а.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1980б.* Тюркские изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1985.* Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА. № 3.
- Кузнецов В. А., 1986.* Нижне-Архызское городище X—XII вв. — раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Кузнецов В. А., 1987.* Рец. на кн.: *И. М. Мизиев.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 // Изв. СКНЦ ВШ. № 3.
- Кузнецов В. А., 1988.* Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1992.* Очерки истории алан. Владикавказ.
- Кузнецов В. А., 1993.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
- Лавров Л. И., 1969.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. IV. М.
- Лавров Л. И., 1974.* Проблемы этногенеза горских народов Кавказа // Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР и Ученом Совете Института этнографии АН СССР. М.
- Лавров Л. И., 1978.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
- Лайпанов К. Т., Мизиев И. М., 1993.* О происхождении тюркских народов. Черкесск.
- Ляпушкин И. И., 1958.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62. М. -Л.
- МАК, 1896. Вып. VII. М.
- Максименко В. Е., 1983.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Малахов С. Н., 1992.* К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII—XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.
- Марковин В. И., 1994.* Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.
- Марченко И. И., 1984.* Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Массон В. М., 1995.* Культурные взаимодействия и культутогенез в древней истории народов России // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК 11-14 апреля 1995 г. Спб.
- Материалы дискуссии..., 1956* — Материалы дискуссии о субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX.
- Махортых С. В., 1991.* Скифы на Северном Кавказе. Киев.

стр.175

- Мизиев И. М., 1986.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
- Минаева Т. М., 1956.* Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Вып. XXVI.
- Минаева Т. М., 1964.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь.
- Минаева Т. М., 1965.* Новый вид погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тез. докладов). Баку.

- Минаева Т. М., 1971.* К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.
- Минорский В. Ф., 1963.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М.
- Михеев В. К., 1985.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
- Мунчаев Р. М., 1963.* Луговой могильник (исследования 1956-1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Мурзин В. Ю., 1990.* Происхождение скифов; основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Навротский Н. И., 1995.* Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // ИАА. Вып. 1. Армавир-М.
- Нарожный Е. И., 1993.* Новые находки фрагментов котлов с внутренними ушками со средней Кубани // Первые чтения по археологии средней Кубани (аннотации докладов). Армавир.
- Нечаева Л. Г., 1961.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.
- Новосельцев А. П., 1990.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Охонько Н. А., 1988.* Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Вып. 15-16. Ставрополь.
- Петренко В. Г., 1983.* Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 13.
- Петренко В. Г., 1984.* Взаимоотношения горских и степных племен (по материалам скифской и кобанской культур) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси.
- Петренко В. Г., 1989.* Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Плетнева С. А., 1958.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.
- Плетнева С. А., 1967.* От кочевий к городам. М.
- Плетнева С. А., 1974.* Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М.
- Плетнева С. А., 1981.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- ПСРЛ, 1923 — ПСРЛ. Т. II. Вып. 1. Пг.
- Прозрителев Г. Н., 1906.* Древнехристианские памятники на Северном Кавказе // СССК. Т. 1. Ставрополь.
- Рунич А. П., 1970.* Катакомбы Рим-горы // СА. № 2.
- Савенко С. Н., 1986.* Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII в. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Серебрянников Б. А., 1956.* Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IV.
- Скрипкин А. С., 1989.* Археологические и исторические данные о появлении аланов в Восточной Европе // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.
- Смирнов К. Ф., 1952.* Основные этапы развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. XVI.
- Смирнов К. Ф., 1964.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К. Ф., 1984.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

- Страбон, 1964.* География в 17 книгах. Перев. Г. А. Стратановского. М.: Наука.
- Техов Б. В., 1980.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.
- Тизенгаузен В., 1884.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Фоменко В. А., 1989.* Поселение у Козьей горки // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.
- Халилов Х. М., 1976.* Фольклорные экспедиции 1973-1975 гг. // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. (тез. докладов). Махачкала.
- Цулая Г. В., 1993.* Осетины в контексте истории Грузии (домонгольский период) // ЭО. № 3.
- Чеченов И. М., 1986.* Об этнокультурных связях племен Центрального Кавказа с кочевника-

стр.176

- ми и древности и в средние века // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Орджоникидзе.
- Чеченов И. М., 1987.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик.
- Чеченов И. М., 1990.* К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. № 4.
- Чеченов И. М., 1994.* Новые негативные явления в освещении древней истории Северного Кавказа // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Кисловодск.
- Шевченко А. В., 1986.* К краниологии населения предкавказской Алании X—XII вв. н. э. (по материалам раскопок Змейского могильника 1981-1983 гг.) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Шер Я. А., 1966.* Каменные изваяния Семиречья. М. -Л.
- Эрдниева У. Э., 1970.* Калмыки // Историко-этнографические очерки. Элиста.
- Balint Cs., 1990.* Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien-Köln.
- Hudidal-Alam, 1937.* Translated and explained by V. Minorsky. London.
- Kuznecov V. A., 1990.* Nordkaukasische Tonkessel // Die Keramik der Saltovo-Majazki Kultur und Varianten (Varia Archaeologica Hungarica, III). Budapest.
- Pallas P. S., 1799.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. I. Leipzig.
- Scerbak A. M., 1962.* Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des turcs occidentaux // Acta Orientalia. T. XV. Fasc. 1-3.
- Zgusta L., 1987.* The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Vien.

стр.177

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине

АО — Археологические открытия

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭС — Археолого-этнографический сборник
ВВА — Вопросы археологии Адыгеи
ВДИ — Вестник древней истории
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМНВ — Государственный Музей народов Востока
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАС — Донецкий археологический сборник
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИАА — Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИАН АзССР — Известия академии наук Азербайджанской ССР
Изв. СКНЦ ВШ — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы
Изв. ЮО НИИ АН ГССР — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КИОН — Калмыцкий Институт общественных наук
КМ — краеведческий музей
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КЭС — Кавказский этнографический сборник
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАР — Материалы по археологии России

стр.178

МГУ — Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
МОПИ — Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской
НА — научный архив
НАА — Народы Азии и Африки
ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПАП — Проблемы археологии Поднепровья
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РСО — Республика Северная Осетия
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников

СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СССК — Сборник сведений о Северном Кавказе
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТИЭ — Труды института этнографии
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
ТрКГПИ — Труды Краснодарского гос. педагогического института
Тр. КНИИЯЛИ — Труды Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории
Тр. ЧИНИИ — Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
УЗ МОПИ — Ученые записки Московского Областного педагогического института им. Н. К. Крупской
ХГУ — Харьковский Государственный университет
ЧИГУ — Чечено-Ингушский Государственный университет
ЭО — Этнографическое обозрение
BAR — British archaeological records. Oxford.
KAVA — Kommission für Allgermeine und Vergleichende Archäologie
PBF — Prähistorische Bronzefunde

Сноски

- Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. I. М. -Л.
Абаев В. И., 1960. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
Абаев В. И., 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.
Абаев В. И., 1967. Этногенез осетин по данным языка. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
Абрамова М. П., 1972. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.
Абрамова М. П., 1982. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа // СА. № 2.
Абрамова М. П., 1984. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон центральных районов Северного Кавказа в I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси.
Абрамова М. П., 1989а. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
Абрамова М. П., 1989б. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — I в. н. э.) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М.
Абрамова М. П., 1990. Западные районы Центрального Предкавказья во II—III вв. н. э. // КСИА. Вып. 197.
Абрамова М. П., 1992. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. № 2.
Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М.
Акритас П. Г., 1954. Древнейшее название горы Бештау // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 3. Нальчик.
Алборов Б. А., 1960. Почему осетины называют балкарцев "асы" // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.

- Алексеев В. П., Беслекоева К. Х., 1963. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. № 114.
- Алексеев В. П., Бромлей Ю. В., 1968. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.
- Алексеев В. П., 1971. Человек: биология и социологические проблемы // "Природа". № 8.
- Алексеев В. П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Анфимов Н. В., 1947. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИИМК. Вып. XVI.
- Анфимов Н. В., 1975. К вопросу о сарматизации Прикубанья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Тез. докладов. Махачкала.
- Анчабадзе З. В., 1960. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.
- Афанасьев Г. Е., 1981. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе.
- Афанасьев Г. Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М.
- Афанасьев Г. Е., 1993. Донские аланы. М.
- Байчоров С. Я., 1974. Надписи Хумаринского городища // Советская тюркология. № 4. Баку.
- Байчоров С. Я., 1983. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Байчоров С. Я., 1989. Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь.
- Батчаев В. М., 1980. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик.
- Батчаев В. М., 1986. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Бендукидзе Н. А., 1973. Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник). IV. Тбилиси.
- Берлизов В. Е., 1990. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э. — III в. н. э.) // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л.
- Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
- Биджиев Х. Х., 1987. Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Бромлей Ю. В., 1983. Очерки теории этноса. М.
- Веселовский Н., 1905. Мнимые каменные бабы (Отд. оттиск). Спб.
- Виноградов В. Б., 1965. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. № 1.
- Виноградов В. Б., 1971. Связи Центрального и Северо-Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М.
- Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Виноградов В. Б., Петренко В. П., 1984. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б., 1985. Катакомбные погребения и их носители в

Центральном Предкавказье в III в. до н. э. — IV в. н. э. // *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе.

Виноградов В. Б., 1987. Подонско-предкавказская "Савроматия" (некоторые задачи комплексного изучения) // *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье*. Тез. докладов. Новочеркасск.

Волкова Н. Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.

Габуев Т. А., 1986. История племен центральных районов Северного Кавказа в I—VII вв. н. э. (по данным погребального обряда) // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М.

Гаглюев Д. С., 1987. Действительность и домыслы // *Изв. ЮО НИИ АН ГССР*. Вып. XXXI.

Гаглойти Ю. С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси.

Гаглойти Ю. С., 1969. К истории северокавказских аорсов и сираков // *Изв. ЮО НИИ АН ГССР*. Вып. XV. Цхинвали.

Гаглойти Ю. С., 1989. К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.

Гаглойти Ю. С., 1990. Сарматы и кавказцы // *Вопросы иранистики и алановедения*. Тез. докладов. Владикавказ.

Гадло А. В., 1975. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // V Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докладов). Махачкала.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.

Гадло А. В., 1980. Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточной части Ставрополя // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). М.

Гадло А. В., 1982. Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966-1981 гг. // *Вестник ЛГУ*. № 2.

Гадло А. В., 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // *Вестник ЛГУ*. Серия 2. Вып. 1.

Гадло А. В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. Спб.

Генинг В. Ф., 1970. Этнический процесс в первобытности. Свердловск.

Гмыря Л. Б., 1986. К этнической интерпретации погребений Паласа-Сыртского могильника // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Орджоникидзе.

Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.

Гумилев Л. Н., 1988. Слависты и номадисты // *Русская литература*. № 2.

Гумилев Л. Н., 1990. География этноса в исторический период. Л.

Демаков А. А., 1990. К вопросу об этнической принадлежности скальных захоронений // *Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии*. Черкесск.

Древние акты..., 1867. — Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // *ЗООИД*. Т. VI. Одесса.

Ждановский А. М., 1977. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // *СА*. № 1.

Ждановский А. М., 1985. История племен среднего Прикубанья во II в. до н. э. — III в. н. э. // Автореф. дисс.... канд. ист. наук. М.

Ибн-ал-Асир, 1940. Тарих-ал-камилъ. Перев. П. Жузе. Баку.

Из нового списка..., 1983 — Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому (пер. К. Патканова) // *ЖМНП*. 4. ССХХVI. Спб.

Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Каменецкий И. С., 1965. Ахардей и сираки // *Материалы сессии, посвященной итогам*

- археологических и этнографических исследований в СССР (тез. докладов). Баку.
- Каминский В. П., 1984. Раннесредневековые аланские катакомбы на средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Каминский В. Н., 1987. Сарматы в восточном Закубанье // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Тез. докладов. Новочеркасск.
- Каминский В. Н., 1988. Рец. на кн.: *И. М. Мизиев*. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 // СА. № 4.
- Кирсанов А. Н., 1988. Донецкие аланы на рубеже XI—XII вв. // Методика исследования и интерпретация археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Керефов Б. М., 1978. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время // VIII Крупновские чтения (тез. докладов). Нальчик.
- Керефов Б. М., 1985. Чечемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 2. Нальчик.
- Керефов Б. М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы // Века и народы. М.
- Ковалевская В. Б., 1988. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказские племена и передвижения ираноязычных племен) // Автореф. дисс.... докт. ист. наук. М.
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Колоба Б. А., 1972. Осетино-балкарские этнографические параллели // СЭ. № 3.
- Корневский С. Н., 1984. Работы Предгорного отряда // АО-1982 г. М.
- Котович В. М., 1976. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е. И., 1969. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1961а. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса) // МАД. Т. II. Махачкала.
- Кузнецов В. А., 1961б. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
- Кузнецов В. А., 1963. Надписи Хумаринского городища // СА. № 1.
- Кузнецов В. А., 1967. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1969. Рец. на кн.: *С. А. Плетнева*. От кочевий к городам. М., 1967 // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1971. Аланы в X—XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках // СА. № 2.
- Кузнецов В. А., 1974. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС. Вып. 1. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1980а. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А., 1980б. Тюркские изваяния из Пятигорья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик.
- Кузнецов В. А., 1985. Поминальный комплекс VIII в. в окрестностях Кисловодска // СА. № 3.
- Кузнецов В. А., 1986. Нижне-Архызское городище X—XII вв. — раннефеодальный

город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Кузнецов В. А., 1987. Рец. на кн.: *И. М. Мизиев*. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986 // Изв. СКНЦ ВШ. № 3.

Кузнецов В. А., 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Кузнецов В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ.

Кузнецов В. А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.

Лавров Л. И., 1969. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. IV. М.

Лавров Л. И., 1974. Проблемы этногенеза горских народов Кавказа // Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР и Ученом Совете Института этнографии АН СССР. М.

Лавров Л. И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.

Лайпанов К. Т., Мизиев И. М., 1993. О происхождении тюркских народов. Черкесск.

Ляпушкин И. И., 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. № 62. М. -Л.

МАК, 1896. Вып. VII. М.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.

Малахов С. Н., 1992. К вопросу о локализации епархиального центра Алании в XII—XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.

Марковин В. И., 1994. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.

Марченко И. И., 1984. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар.

Массон В. М., 1995. Культурные взаимодействия и культуругенез в древней истории народов России // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. Материалы пленума ИИМК 11-14 апреля 1995 г. Спб.

Материалы дискуссии..., 1956 — Материалы дискуссии о субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX.

Махортых С. В., 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.

Мизиев И. М., 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.

Минаева Т. М., 1956. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. Вып. XXVI.

Минаева Т. М., 1964. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. Ставрополь.

Минаева Т. М., 1965. Новый вид погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тез. докладов). Баку.

Минаева Т. М., 1971. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.

Минорский В. Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М.

Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.

Мунчаев Р. М., 1963. Луговой могильник (исследования 1956-1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.

Мурзин В. Ю., 1990. Происхождение скифов; основные этапы формирования скифского этноса. Киев.

Навротский Н. И., 1995. Половецкие каменные изваяния Армавирского краеведческого музея // ИАА. Вып. 1. Армавир-М.

Нарожный Е. И., 1993. Новые находки фрагментов котлов с внутренними ушками со средней Кубани // Первые чтения по археологии средней Кубани (аннотации докладов).

Армавир.

Нечаева Л. Г., 1961. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л.

Новосельцев А. П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Охонько Н. А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Вып. 15-16. Ставрополь.

Петренко В. Г., 1983. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 13.

Петренко В. Г., 1984. Взаимоотношения горских и степных племен (по материалам скифской и кобанской культур) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси.

Петренко В. Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Плетнева С. А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.

Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. М.

Плетнева С. А., 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

ПСРЛ, 1923 — ПСРЛ. Т. II. Вып. 1. Пг.

Прозрителев Г. Н., 1906. Древнехристианские памятники на Северном Кавказе // СССК. Т. 1. Ставрополь.

Рунич А. П., 1970. Катакомбы Рим-горы // СА. № 2.

Савенко С. Н., 1986. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI — первой половины XII в. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Серебрянников Б. А., 1956. Проблема субстрата // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IV.

Скрипкин А. С., 1989. Археологические и исторические данные о появлении аланов в Восточной Европе // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов.

Краснодар.

Смирнов К. Ф., 1952. Основные этапы развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья // КСИИМК. Вып. XVI.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.

Смирнов К. Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Страбон, 1964. География в 17 книгах. Перев. Г. А. Стратановского. М.: Наука.

Техов Б. В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.

Тизенгаузен В., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.

Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.

Фоменко В. А., 1989. Поселение у Козьей горки // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар.

Халилов Х. М., 1976. Фольклорные экспедиции 1973-1975 гг. // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. (тез. докладов). Махачкала.

- Цулая Г. В., 1993. Осетины в контексте истории Грузии (домонгольский период) // ЭО. № 3.
- Чеченов И. М., 1986. Об этнокультурных связях племен Центрального Кавказа с кочевниками и древности и в средние века // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Орджоникидзе.
- Чеченов И. М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик.
- Чеченов И. М., 1990. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. № 4.
- Чеченов И. М., 1994. Новые негативные явления в освещении древней истории Северного Кавказа // XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Кисловодск.
- Шевченко А. В., 1986. К краниологии населения предкавказской Алании X—XII вв. н. э. (по материалам раскопок Змейского могильника 1981-1983 гг.) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Шер Я. А., 1966. Каменные изваяния Семиречья. М. -Л.
- Эрдниев У. Э., 1970. Калмыки // Историко-этнографические очерки. Элиста.
- Balint Cs., 1990. Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert. Wien-Köln.
- Hudidal-Alam, 1937. Translated and explained by V. Minorsky. London.
- Kuznecov V. A., 1990. Nordkaukasische Tonkessel // Die Keramik der Saltovo-Majazki Kultur und Varianten (Varia Archaeologica Hungarica, III). Budapest.
- Pallas P. S., 1799. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. I. Leipzig.
- Scerbak A. M., 1962. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des turcs occidentaux // Acta Orientalia. T. XV. Fasc. 1-3.
- Zgusta L., 1987. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien.